

Татьяна Ковальская

Музыка лет

Стихотворения

Ангарск
2013

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)7
К 56

Ковальская Т.В.
К56 Музыка лет: *Стихотворения*. – Ангарск,
2013. – 132 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)7

- © Т.В. Ковальская, 2013
- © БФ «Фонд поддержки социальных и благотворительных программ», 2013

Песня о Черемхово

Мне сегодня случилось пройти
По заброшенной старой дороге
Вдоль замёрзшего русла реки,
Мимо старых домишек убогих.

Разлилась Черемшанка к зиме,
Затопила сады и заборы.
На родной сохранился земле
Уголок, где трудились шахтёры.

Черемхово, тебя не узнать.
Летом – скверы, слоны и медведи.
Разноцветные струи поймать
Тянут руки детишки и деды.

Но и даже когда в город-сад
Превратят тебя, наш Черемхово,
Пусть такой уголок сохранят,
Где истории слышится слово.

Город,
прогрессом рождённый,
будет
тебе сто лет.
Уголь,
в огонь превращённый,
в герб твой
вошёл навек.

Черемхово

Наше звонкое слово
Раздаётся не зря:
Мы живём в Черемхово,
На планете Земля!

Быть дороге судьбою
Суждено для села.
Здесь с почтовой гоньбою
Век история шла.

Был этап пересыльный
И казачий кордон,
Для укрепы России
Предназначен был он.

Весь в рабочей спецовке,
Город встал над углём.
Мы индустрией новой
Укрепляли наш дом.

Рубероид варили,
Выпускали чулки.
И вязали, и шили,
И в строители шли.

Но всегда оставался
Главным уголь для нас,
И не зря назывался
Город наш – Черембасс.

И двадцатому веку
Наш великий поклон.
Город стал Человеком,
Верен Родине он!

Наше честное слово
Раздаётся в стране.
Мы живём в Черемхово,
На Российской земле!

У братской могилы

Сохрани, город мой, от забвенья
Этот каменный обелиск.
Вкруг него красавицы-ели
Подпирают небесную высь.
Пусть за вихрем мятежной эпохи
Кто-то режет истории суть –
Это жизни реальные строки,
Наш потомок, о них не забудь!
Здесь сокрыта романтика века,
Переломных годов бурелом.
Эти парни шли в бой беззаветно,
Чтоб насилье отправить на слом...
Город наш помнит всё, что было.
Не стереть бывших зон печать,
Безымянных крестов на могилах
Из истории не изъять.
Но потомки великодушны:
Мир и хижинам, и дворцам.
Будут город со всем минувшим
Почитать как родного отца.

Моим пером ведёт не корысть
И не бравада остряков.
Пытаюсь высветить как повесть
Всю драму наших горняков,
Их жён, в безденежье погрязших,
И вечно пьяных мужиков,
И сёл таёжных, растерявших
Былую славу, стол и кров.
Хочу понять без конформизма,
До самой сути раскопать,
Зачем моей родной Отчизне
И кровь, и жертвы, ложь и грязь?

Засомневалась, заколебалась,
Хотела вернуться в рабочий строй.
Но тут судьба грозной рукой
Меч опустила, путь перекрыла.
И вот – я, с хромой ногой
и больной головой.

Ангел-хранитель сжалился надо мной
И подложил мне в редакции местной,
Всем хорошо известной,
Должность, какая ни есть.
Это большая школа и честь.
Странно решила
Все проблемы разом судьба:
Гордиев узел так рубанула с плеча,
Что окривела сама.
И захромала Татьяна на костылях,
Но преломила долю такую,
На ноги встала и снова пошла,
Как бывало...

Вдовам и солдаткам

Ваша участь достойна пера и органа.
Ваша жизнь – как печальная ода любви.
Не страницей придуманного романа,
А всей болью души напоённые дни –
Вот судьба, от которой не знали спасенья.
Вот ваш подвиг, и в этом погибших бессмертье.
Вы детей без отцов поднимали,
И в трудах отпусков вы не знали.
И все годы, запрятав глубоко тоску,
Возвращения милых вы ждали и ждали.

Когда исчезну,
Прошумит ли обо мне
Та гордая сосна,
Которой любовалась
На берегу залива?

Когда исчезну,
Всплакнёт ли надо мною
Небо родное,
В которое любила смотреть
Летом и весной?

Когда исчезну,
Взгрустнётся ли вам, пыльные тропы,
На которых остались
Следы моих ботинок?

Когда исчезну,
Останутся быть
Сосна и небо, и пыльные тропы,
Утешая потомков,
Как в былом моих предков.
Когда исчезну,
Продолжится мой РОД.

Из цикла «Поклон народной песне»

По Сибири я гуляю,
молодой казак.
Где найду любовь, не знаю,
но скажу вам так:
Моё дело правое –
Россию охранять.
Козаки мы бравые,
нас не запугать.

Эх, трава-мурава,
эх, калина красная!
А у нашего двора
черёмушка рясная!
Город наш черёмуховый,
город чёрно-ягодный,
славится певуньями
песнями отрадными.

Ах, песня русская, родная!
Тебя я в сердце берегу.
Ты душу русскую спасаешь,
Ты дух народа воспеваешь,
К тебе за правдою иду.
Как поле хлебное, раздольна,
Сибирским рекам ты под стать,
Ах, песня русская, достойна
Российским знаменем ты стать!

То не во поле берёзонька стояла,
Не рябинушка к дубу прислонялась,
Это ветром косы-ветви разметало,
За околицей гулянье состоялось.
Эй, гой-еси, прибаутки неси,
Так задиристо пошутим,
Только ноги уноси!

Песня народная,
удалая, хороводная!
Если матери поют,
дочки подпевают.
Песня русская, как вьюн,
Всех объединяет!

Пока в крови огонь горит
И песня русская любима,
Господь народ наш сохранит,
И сила в нас необорима.
Сибирь и Русь, задор и грусть –
Мы в песне душу изливаем,
Мы в песне волю прославляем
И, как молитву, повторяем
Слова той песни наизусть.

Из цикла «Стихи 1982 – 2010 гг.»

Вокруг солнца оборот –
Вновь встречаем Новый Год!
На лице Земли веснушка –
Черемхово, город наш,
Дарит жителям игрушку,
Дивный ледяной мираж.
Ключ от чуда вручит мэру
Архитектор Дед Мороз.
К нам на праздник новогодний
Поезд-сказка их привёз.
Мы встречаем, величаем,
Много славных дел желаем.
Вот наш мэр, Вадим Семёнов!

Люди выбрали его,
Потому что с делом слово
Однозначно у него.
Как Геракл-Геркулес,
Он во все проблемы влез.
С ним не страшен вал девятый,
Даже кризис тот проклятый.
Строим город и культуру,
Поднимаем физкультуру.
Наш Вадим непобедим,
Черемховцами любим.

Не окрылённые божественною силой,
мои стихи убоги и унылы.
На белый лист – чернильный каплет дождь.
И шарик ручки бьёт волненья дрожь.
Волненье от того, что поражение
предвижу я.
Не выиграть сражение
с листом бумаги.
Что за маета!
Мысль хороша, да форма, знать, не та,
и стиль не тот, и экспозиция...
Надёжна у редактора позиция!
Бог – с ним, а не со мной.
Какая жалость!
И что в итоге мне осталось?

Ангарск. Вокзал. Часы без стрелок.
(Когда пустует циферблат),
Живу вне времени, вне дела
(Ведёт мой путь не в сам ли ад?)
Весь этот день и этот час.
Часы без стрелок – как находка!
Моей судьбы без вёсел лодка
Нашла свой верный путь сейчас.
Как час назад тревожно ныло
И замирало всё во мне.
И цвет черёмухи уныло
Ничем не пахнул в стороне.
И в тучах хмурых было небо,
И ветер холодом знобил.
И день как будто вовсе не был,
Как будто мир меня забыл,
Не узнавал, не увлекал,
Но сторонился и чурался.
В редакции мой том остался,
С собой Шаганский не позвал...
Что могут «белые халаты»?
Предупредить? Предостеречь?
Что я ждала от этих встреч?
Но всё же, груз свалился с плеч.
Ещё не близок миг расплаты!
И той же улицей иду.
Но цвет черёмух опьяняет,
И огородную грядку
Теперь я слышу, обоняю.
Жить, жить! Даруй мне силы, Дух,

Мой слабый Дух, даруй мне крылья!
Среди могил, среди порух
Не оставляй меня в бессилье.
Ещё перо моё легко,
И не написано так много,
Ещё до цели далеко
И так неведома дорога.
Часы без стрелок – те врачи.
Бег времени – как пульс, со мною.
Мой конь копытами стучит.
Пора. Готовь доспехи к бою.

Сторона моя

Сторона моя, сторонушка!
Под задымленной полой
Прячет город мой головушку,
То усталый, то хмельной.
По кривым горняцким улицам
Прохожу, не торопясь.
Каждый дом собой любит,ся,
Сам себе хозяин-князь.
У ворот тесовых, стареньких
Деда-бабушки сидят.
Дремлют кошки на завалинках,
Стайка пробежит ребят.
Внуки, как врачи по вызову,
Едут к дедам в «Жигулях».
За черёмухами сизыми
Двор деревнею пропах.
А вокруг, как им захочется,

Близнецы-дома растут.
Где белела прежде рошица,
Корпуса и там, и тут.
И старик-шахтёр с пригорочка
Смотрит вдаль, за окоём,
Где простёрли стрелы-лодочки
Экспаваторы гуськом.
И одна-то дума точит всё
Душу деду, как напасть:
Вот возьмут весь уголь дочиста,
Городу бы не пропасть...
Дед, о городе горюющий,
Внук беспечный молодой –
Словно витязь, перед будущим
На распутье город мой.

Из цикла «Стихи 2011 – 2012 гг.»

Этот город зовут Черемхово.
Здесь бежит Черемшанка-река.
И звучит сокровенное Слово,
И смыкают объятья века.

Этой улицей в школу ходила
По доскам через топи и грязь.
Город славен шахтёрскою силой,
Чёрным дымом пропитанный власть.

Мой вокзал – это станция Гришево.
И жила на Забойщиков улице.

Все места моей школьной юности
Утонули, сгорели, сгнули.

Сквер, где гипсовые вожди
Отдыхали вдвоём на скамейке,
Танцплощадка, оркестр духовой –
Век двадцатый всё стёр под линейку.

И такие, казалось, мощные,
Добывавшие уголь разрезы –
Все разрушены, все ненужные.
Только свалки да памяти слёзы...

Слава двадцать первому веку,
Ожил город, расцвёл, умылся!
Славу мэру – тому человеку,
Кто сквозь все барьеры пробился,
День и ночь с командой трудился.
Звать Семёновским станут наш век.
Черемхово – большой Человек!

С сибирских клёнов, тополей, берёз
Струится листьев разноцветье,
Кружится в воздухе. Как кружева из грёз,
Минувших грёз. Весенних. Летних.

Мои товарищи по жизни и делам,
Соратники бывшего века,
Не наши ли деньки слетают в ноги к нам,
В День пожилого человека?

Прожили мы немало в том веку,
Но души наши свет надежды греет.
Давайте радоваться каждому деньку,
И двигаться, и создавать, и верить!

Вадим Семёнов

В черемховских трущобах жил,
С черемховской шпанюю водился.
Заводилой он в играх был
И при этом неплохо учился.

Стал вожатым он в школьной дружине
И дипломных высот достиг.
Исторические пружины
Всею плотью и сердцем постиг.

Он в истории видел личность,
Устремлённую к цели большой:
Если массы в лидера верят,
Если власть над собой доверяют –
Можно сдвинуть горы порой.

И с амбицией «под братка»,
Подминая воловьей хваткой,
Шёл Вадим напролом за свой град,
За любовь до конца, без остатка.

Он во сне видел город-сад,
Видел он фонтаны и скверы,
И когда его выбрали мэром,
Сны свои воплотил в дела.

Встали в камне и бронзе скульптуры,
Встали памятные композиции.
И красивым становится город,
И надёжна у мэра позиция.

Просто видит историк дальше,
А прагматик находит средства,
А горячий сердечный парень
Покоряет способных к действию.

Только б сердце подольше держалось,
Только б выстоять в сопротивлении.
Много ль, мало власти осталось –
У него есть кредит доверия.

Шадринка

Мне город многие открыл секреты.
По всем посёлкам путь мой пролегал.
Но Шадринка – особая примета,
Дзержинского здесь долго дух витал.

Вот школа с номером четыре,
Культуры и духовности орбита.
С библиотекой воедино слились
И детский театр, и школьная планида.

Исследуют ребята-краеведы
Страницы жизни, каждую семью.
И с гордостью за то, как жили деды,
И с болью за нелёгкую судьбу.

А как сияют лица тех ребят,
Кто встретился с Героем-космонавтом,
И каждый шадринский подросток рад
Вам показать его простую парту.

«Наш Саша Полищук жил рядом с нами,
Играл в футбол, а также на баяне».
Когда он приезжал в посёлок этот,
Здесь сразу становилось больше света,
«Все люди умные на Шадринке родились», —
Такая поговорка появилась.

Иркутску

Иркутск, меня родивший город!
Тебе уж триста пятьдесят.
И мне особенно ты дорог,
Как память юных лет
И тех, кого уж с нами нет.

Иду по Набережной Нижней –
Какой теперь ей облик дан!
По воле Господа всевышней
Исполнил губернатор нынешний
Мечту всех иркутян –
Взошёл казак на пьедестал!
Он основал острог Иркутский
С ватагой удалой,
Он был лихим, отважным русским.
И в бронзу облекли потомки
Его навечно над рекой,
Над Иркутом и Ангарой.

А возле древнего собора,
Где Спаса богоданный лик,
Святым Петру с женой Февроньей
Прекрасный памятник возник.

Спасибо, город многоликий!
Ты древний, мудрый и великий,
И эти памятники в бронзе
Историю твою хранят,

О ней прохожим говорят,
О жёнах декабристов, в бозе
Почивших в дальней стороне.
Приходит правнук поклониться.
Сей дар гражданский дорог мне.
Отрадно Родиной гордиться!

Ангаре

Незамерзающей реке
Привет.
Её туманам белым,
Лениво плещущей волне
И берегам заиндевелым –
Поклон.
Туманны все утра.
Зима уж набирает силы.
И пробуждает Ангара
Во мне дух молодости милой.

Помнишь ли ты?

Колонны белые иняза
Сияли нам из темноты.
Ждала напрасно я. Ни разу
Не говорил о чувствах ты.
Катались с горок новогодних,
В снежки играли. Или в жизнь?
Как будто бы ещё сегодня
Кричал мне весело: «Держись!»
Бежали улицей безлунной,

Встречались с Ангарой-рекой.
С поверхности её чугуновой
Шутя, ты зачерпнул рукой.
А я губами припадала
И воду льдистую пила.
И было мне всё мало, мало...
Какая глупая была!

Колонны те же – будто свечи.
И лёд воды – до ломоты.
Опять охрипну в этот вечер...
Но помнишь ли о прошлом ты?

Круглые шапки длинного дома.
Место знакомо.
А между ними в белых берёзах
Дым розов.
Жёлтым размазано по веткам
Солнце из клетки
Переливается в неба блюдо!
Помнить буду...
Видеть хотелось с тобой сейчас –
Не суждено.
Смотрю, как будто в последний раз,
В очки-окно.
Плывёт по реке ледяное крошево.
Навстречу – туман.
Плохого не было – нет и хорошего.
Всё – обман...

Весеннее

Всё начертано свыше,
Предопределено.
Мы и пишем – как дышим,
Всё от Бога дано.

Если Землю корёжит,
Изнутри её рвёт –
Разрушается город,
Погибает народ.

Ну а в нашей сторонке,
В середине страны,
Тёплый ветер в погонке
За капелью весны.
Греет солнце пораньше,
Чем в былые года,
И уж почки на марше,
Верба вот расцвела.

Все поверили солнцу,
Тешит сердце апрель.
Растворили оконца,
Позабыли метель.
Но Сибирь – ох, не нянька!
Жди холодного дня,
Будет снег, и метелью
Запорошит меня.

По традиции давней
Ожидаю подвох
От погоды весенней,
От поры катастроф.

Хоть смотрю с недоверием
На сиянье небес,
Так и хочется верить,
Так и хочется в лес,
Чтоб среди первоотравья
Да на южном на склоне
Отыскать вдруг подснежник
В пушистом бутоне.
И багульника ветку
Приголубить, вдыхая
Аромат его терпкий,
Цвет лиловый лаская.

Встреча

Бродить вот здесь случилось мне,
Когда девчонкой я влюбилась.
Судьбой отпущенная милость –
Быть с городом наедине.
Стволы деревьев узнавать,
Узоры ликов многодумных.
Встречать на перекрёстках шумных
Машин несущуюся рать.
И в сквер заснеженный войти,
Присесть на старую скамейку,

Сказать себе: а ты посмей-ка
И время вспять повороти!
Посмей! Или не смеешь сметь?
Или совсем душа остыла?
Всё, что прошло – осталось милым.
И по другому – не сумеешь...

Шесть утра. Беззвёздно небо
В феврале над Ангарой.
Огоньков цветистый невод
Ловит рыб ночной порой.
На пороге ночи – утро.
И в окно стучит рассвет.
А душа озябла, будто
Ей сегодня двести лет...

Пташек озябшим клювом
стучит по стеклу.
В комнату смотрит.
Дам ему хлебных крошек.
Согрею чью-то душу.

Снега разноцветны!
Их надо видеть глазами любви.
Вот голубеют, с восходом алеют,
Днём посереют, чернеют и тают.
Лишь в снегопад и после него,
Под солнцем они белоснежны –
Искрятся, сверкают.

Вот снежинка прилетела,
засверкала гранями.
Загадала я желанье, а она растаяла.

О сиреневых тенях на снеге вечернем,
Фиолетовых ветках в саду средь зимы
Пропою на закате в городе Череме,
Где пролётом в историю станция МЫ.

Упакую и сдам до востребования
свою обиду –
мало ласки и много зла
мне от мужа досталось.
Бог простит, и я простила...

Лучше смеяться и прятать
на дне души горькие слёзы.
Кто наизнанку живёт,
плачет и сетует прилюдно,
а в душе смеётся над всеми,
тот – лицемер?

Перед закатом
воздух шафрановым стал.
Сверкают стёкла
там, высоко, где в окне
руки и губы твои.

Наша Танька пишет *танку*,
Пишет хоку и сонет,
Потому что на частушки
У неё таланту нет!

Тайна кристалла снежинки –
Магия севера.

Цветные снега!
Каждый час снег меняет окраску
за солнцем во след:
нежно-лиловый,
розовый, алый
и серебристый,
пушистый, как мех.

А берег грезит о возмездье
И видит в снах бетонный мост...
Простой ответ на сей вопрос!

Даруй, Господь, мне разума и силы
Спокойно и достойно жизнь дожить,
Земной мой путь до праведной могилы
Пройти, дела и книги завершить.
Жестокости да не вольётся в сердце,
И мстью не наполнится душа.
Молю, о Боже, будь к нам милосердным!
Помилуй хоть детей, свой суд верша.

Бельчонок в голубой рубашке
Берёт орешки с рук.
Как по стволу, по мне промчался
И сгинул вдруг он гибко меж кустов.

Всё движется в наше нелёгкое время:
Системы, проекты, законы страны.
Но каменный уголь в цене неизменно,
И мы, черемховцы, России нужны!

Осенние хоку

Мне тогда, в девяностые годы XX века, хотелось проникнуть в тайны японского искусства миниатюры и поэзии Хоку. Танка – три или пять строчек, а в них столько чувства, печаль и тонкость рисунка. И не более трёх образов, и постоянное число слогов: 5+7+5=хоку. Я представляла себя на берегу океана и пыталась ощущения свои выразить в японском стиле.

Листьев паденье
Окропил слезой туман.
Печаль твоих глаз...

Бутон солнца
расцветает над землёй
в саду вселенной.

Влажный листочек
прильнул к моему чулку.
Грустная встреча.

Шуршат под ветром
листья на дорогах дня.
Жалоба смерти.

Перед восходом
поутру на востоке
дышит грудь земли...

На юг летит стриж.
В землю уходят листья.
Дождь, сшей мне стихи...

Лапками пихты
метят путь человека
от дома в вечность.

Испеку блины,
думая о вечности.
Помяну маму.

У каждой судьбы
есть линия ладони
в паутине бед.

Руки матери
с младенцем, сосущим грудь,
лепят общество.

Глядящий в себя
увидит дно колодца,
звезду и жабу.

Система любит –
значит, хочет проглотить.
Кинь ей кость в зубы.

Та Ко Сан.

О милая, о нежная! О фея!
Прости... но долг вернуть я не сумею...

Жизнь бьёт ключом. И всё по темечку.
Увы! Такое нынче времечко...

«Я рыба, рыба я», – поёт поп-музыкант.
И подпеваю я охотно.
Мне тоже хочется в солёный океан,
Чтобы в пучине стать бесплотной.

Летим. Наш лайнер падает в отрыв.
Какая лихорадка в лицах!
И как восторжен лайнера мотив,
Восторг безумья, прежде чем разбиться...

Демон Лермонтова, Врубеля и Блока
Вдохновляет, если одиноко...

Фауст Гёте, Мастер у Булгакова –
Только Маргариты одинаковы...

По волнам потока времени
Всё несёт меня, как щепку.
Не зажата, не затеряна,
Всё ищу чего-то тщетно.

Стихошаржи

Этот профиль просто римский.
Автор гимнов, местных и российских.

Но милей мне (по секрету!)
Бард с гитарой налегке.
Задумшевной нет поэта
Ни в «Селе», ни в «Угольке».

Ах, если женщина – поэт,
Тут не до шуток, нет и нет.
Ну что вы, право!
Всем поэтессам только «Браво!»

Кто – гений, кто – пустой звучащий шар.
Тяжёлый камень ты на дне
Иль стрекоза над омутом?
Жучок-крючок, природы дар,
Углом над водной плёнкой скользкой.
Он – водомер!
Бери с него пример:
Не будь же камнем, даже философским!

Так вот оно, море, какое!
На берег нахлынет волной,
И пенистой влагой накроет,
И дразнит солёной водой.
Простор синих вод бесконечен.
Плывут вдалеке корабли,
И море волнуется вечно,
И вечно в плену у земли.

Зачем и почему? Где правда и где ложь?
Что ты берёшь и что ты отдаёшь?
Вопросов – тьма.
Ответов только два:
Ты будешь жить, пока душа жива.
Бесспорно, что умрёшь,
Пожив едва-едва
И сделав только первый ход с Е 2.

Стать кораблём!
И слушать бездну дном,
Боками толщу вод ласкать,
Быть! Плыть! Мечтать!
И паруса крылом
За Космос задевать...

Что есть стихи? Поэзии венец,
Бессмертное творение искусства?
Чертёж души? Биение сердец?
Картина бытия иль голос чувства?

Негаданно, неожиданно
Нагрянуло тепло.
Оплыли крыши и дороги,
И сердце замерло, и память ожила...
А дети бегали по льдине среди луж,
Они не знали вечного круженья
Сезонов. О какое счастье
Не знать, что пролетят, как птицы, годы!
И повторится всё, как встарь:
Сосульки, талые сугробы,
Берёзы, оттепель.
Февраль!

Жизнь – не сложилась.
Любовь – не сложилась.
Всё, что мечталось –
Не получилось.
Что же в остатке
Моё здесь осталось?
Внучка и книги.
Великость и малость.

Заглянул на «Уголёк»
Как-то сельский мужичок.
В нём есенинская статья,
А стихов – не сосчитать!
Вот романтик до седины!
Он на весь район – один.

Прости меня, мой край суровый,
мой скудный задымлённый край.
Я не ищю иного крова,
с тобой до века быть готова.
Но грезится мне тёплый рай!
И в снах мне видятся порою
прохладой полные сады,
ручьи с журчащею струёю
и пенье птиц на все лады.
И вдруг душа, расправив крылья,
летит сквозь тучи и года
в края, где света изобилье,
где Пушкин жил – туда, туда!
Там – Святогорские святыни,
там дышится легко-легко...
И всё мне помнится доньше,
как тихо там, как высоко...

На одной руке – слово-серебро,
На другой – молчанье-золото.
Играю истиной, слушая паузы.

Тучи

Тучи ходят очень важно,
в небе медленно плывут.
Вот корветом двухэтажным,
белоснежным стали вдруг.
Тучи-тучи, облака,
до свидания, пока!

Двадцатый век. 1994

Я пришита суровую ниткой
к этим блеклым небесным полям,
к этим дымным чужим городам.
И живу я пугливой улиткой.
Но, увы, не покину под пыткой
этот сырый запущенный дом.
О плевки, оплеухи и маты,
я наполнена вами до дна.
Вместо терпко хмельного вина –
хлѣсткой брани твоей камнепады,
за которой созвучий крылатых
цепь жемчужная еле видна.

Я суровую нитью сапожной
ко кресту, к сапогу мужика,
к дому мужа пришита безбожно.
И болят от ударов бока.
Озарения и заблужденья,
комплиментов пьянящая дань,
и удачное стихотворенье –
за всё это разящая длань.
Не помогут замки и запоры.
Грозный муж это понял давно.
Но упорно твердит он одно,
что судить будет сам меня скоро
и что будет расплата суровой.
И «Алёнушка» канет на дно
с камнем-книгой своей заодно...
Вот трагедии русской основа,
сериал бесконечных кино.
Все мужчины с моим заодно!?

Шарики полыни
В октябрёвой стыни.
В бархатинках инея,
Над травинок линией.
Будто ночью связана,
На кусты повязана
Гарусная, белая
Шаль заиндевелая...
Дивный день! Из угольной
Грязи нашей суетной,
Как воздушные шары
Для дворовой детворы –
Заросли бурьянные,
В серебре чеканные,
Вдруг украсили весь двор...
И светлеет грустный взор

Мы – куклы...

Мы – куклы старые. Нас бросил кукловод.
И пылью времени покрыты лица наши.
Но в час урочный оживёт завод,
И заблестят глаза и рот накрашенный.
Вот выход мой на кукольном балу.
И кланяюсь, и говорю красиво.
И отражение в чужих глазах ловлю,
Сочувствие в улыбках льстивых.

И холод одиночества гоню,
Спешу согреться от живых и юных.
И снова одержимостью горю,
Чтобы сыграть весёлое безумье.
Но вот финал, поклон и – за кулисы.
И кукловод замкнул в чулан актрису...

Старо, как мир – и вечное начало.
Жил человек миллионы лет назад,
Сегодняшнему чистокровный брат.
На древних складках матушки-Земли
Он оставлял автографы свои.
Вот каменный топор, вот острый нож –
Он камни тонко чувствовал, наш предок.
Он рисовал загадочное древо,
И зверь был на охотника похож.
Мне кажется, звучал язык его
Как голос птиц, как вопли обезьяны
И вой гиен в тропическом лесу.
И первый звук младенца, звонко-пряный,
Я в памяти-музее пронесу –
Он был таким, как первобытный голос.
Хочу в Австралию, мои друзья,
Увидеть эти древние моря,
Атоллы, рифы, складки древних гор,
Что там остались с сотворенья мира,
И те же самые лежат там до сих пор...

Рисую лето

Июль. Хороший день – не душно.
Земля под пологом набухших серых туч.
Дороги, травы испаряют влагу
ночных дождей. И воздух так тягуч...
Прислушайся – и в тишине лесной
услышишь шорох хвои под сосной!
И запахи грибного круга
вдруг защекочут нос – всмотришь в округу,
нагнись над хвойным бугорком:
не рыжик ли поднял настил упруго?
Вот подосиновик на крепкой ножке,
а вот обабок вырос на дорожке!
В низине под берёзами – семейство
груздей сырых в широкополых шляпах.
Как свеж, как вкусен влажных листьев запах!
О как щедра грибная летняя пора!
В знакомый лес и нам шагать пора.

«Туманы, туманы, верните мне маму», –
Так пела девчушка с недетской тоской
На кладбище сельском у скромной могилки,
Где крест был над мамой её дорогой.

Мне лик её ангельский снится порою,
Когда сквозь туманы на поезде мчусь,
И маму родную с безумной тоскою
Хочу воскресить, и в бессилье молюсь.

Анга, за Качугом село.
Каким уж ветром занесло
меня на эти берега,
к тебе, далёкая Анга?
Каким священным был обряд!
Мне целовать тот крест случилось.
Что это – может, Божья милость?
Молитву сотворил – и рад,
и отпущение грехов
уж получил, уж откупился
за то, что где-то оступился,
за то, что в скверне дом и кров...
Нет, нет! Тот день был воскресеньем!
Зачем искать, пятнать, хулить –
всего лишь следовало быть!
А я свершила погруженье,
вошла в тот круг, где рядом – Он,
его тепло, живое слово,
где образ дружбы не вельможной
являлся снова мне и снова –
ах, счастье было так возможно...
Но нет, я не вняла
его призыву ...
И вот – мне впору описать словами
его слова. А между нами
едва намеченная нить
симпатии чуть-чуть окрепла.
Но стоит только потянуть –
и вспыхнет искрой,
станет пеплом...

Отключили фонтан, отключили.
От стихии воды отлучили.
И над чашей гранитной раздето
Ржавой трубки железо, воздето.
А ведь солнце ещё припекает,
И трава на газоне свежа.
Показалось мне, будто мелькают
Среди листьев иголки ежа.
И гуляют, и слушают птиц
Ветераны в саду санаторном.
Здесь аллеи обложены дёрном,
И среди сосен – мелькание лиц.
По стволу два бельчонка летят,
Распустивши хвосты парусами,
И задумчиво небо над нами,
И с берёзы вороны глядят.

Июль – поэзии пора, две тыщи первый год.
Какая всполохов игра,
И наводнение, и гроза,
Какой процесс идёт!
(Дом дышал, пахнул краской,
Гудел ветром в трубе,
Шептал шорохами и каплями дождя...)
Петух пошёл из рук по клумбе,
Заглядывая боком в анютины глазки.
Котёнок смиренно тарасил глаза на толпу.

Печь, диван, круглый стол.
Дом поэзии Евтушенко в Зиме.
Пиво – золотая бочка.
Брага – золотая фляга.
Самогон – золотой бидон.
И костёр в ночи горит.
И уха в котле кипит.
И «сибирской породы» дед-поэт
Рядом с отроком-сыном сидит.
А вокруг Сибирь цыганская
На Америку глядит!

Сказ об Удалянчи

Рассмешу ли, опечалю, –
сочиняю сей рассказ.
В Удалянчи повстречались
россияне как-то раз.
Удалянчи – город странный
на китайской стороне.
Здесь живут среди вулканов,
лава – слева, лава – справа,
санатории везде.
Люди едут за спасеньем,
люди верят в исцеленье,
убегают от подагры,
от артрита и судьбы.
Пьют студёную водицу,
в ледяной воде лечиться
лезут в «яму». Над водою
только лысины и лбы!

Всюду чудо происходит:
китаянка иглы вводит,
банки ставит, поджигая.
И представьте, помогает!
Массажист ногами топчет,
на ушах заклёпки прочны.
Здесь почистят вам сосуды
и кишечник заодно.
Помолитесь в храме Будды.
Повезло нам, как в кино:
у вулкана видеть дно!
И в пещеры ледяные
и на горы забираться,
на озёра любоваться,
хоть не велено купаться.
А походи на перекрёсток –
все китайцы на колёсах,
кто на двух, а кто на трёх.
А машины-то сигналият!
Ослик медленно шагает,
и хозяин на тележке
по мобильнику звонит.
Он, как видно, эрудит.
Целый день, как заводные,
кто в Харбин, а кто в Пэянь.
Дни проходят золотые,
я – на рынок, ты – в «Шань Дянь».
За столом одним вкушаем
пищу местных поваров
и друг другу мы желаем:
«Будь на целый год здоров!»

Постаревшие дети второй мировой...
Собирают нас чаще прощанья, чем встречи.
В путь последний уходит то один, то другой,
И печальны над гробом звучащие речи.
Почему убивает болезнь наповал?
Вот и Гуркин Володя, сражённый, упал.
Он ведь жизнь так любил, не успел и допеть...
Как жестока судьба, сердцу боль не стерпеть.
Недописанных пьес сиротливы листы...
Самый главный спектакль был ещё впереди.
Но замолкла свирель, и вода утекла.
Плачет небо над ним, и скорбят тополя,
И сирень осыпает на гроб лепестки,
И несут черемховцы лесные цветки.
Гибкий стан раскачали берёзы над ним.
Среди многих друзей мы, поникнув, стоим.
И скорбящая мать безутешна навек.
Ты прости нас, прощай, дорогой человек.
Черемховцы-шахтёры, герои твои,
Земляки и соседи рабочей семьи
Почитают и любят тебя и наш театр.
Имя Гуркина дать ему люди хотят.

Ты – народный, ты – наш черемховский пацан.
Родниковая меткая речь персонажей
Из барачных дворов на российский экран
Растеклась, полюбила сибирским пассажем.
Ты в бессмертье, как голубь с экрана, взлетел.
Яркий гимн черемховской окраине спел!

В небесах твоя сцена теперь, режиссёр.
О какой необъятный и вольный простор!
Облака нарисуют твой образ для нас,
Твой огонь, жар души твоей – нет, не погас.
Твоя музыка жизни смывает всю грязь.
Эта музыка – истинно русское слово.
За него воскресить мы Володю готовы...

Спокойно, мадам, *силь ву плэ*.
*Жё съюи рётрэт** уж давно.
Мерси, что ушли из купе.
Я буду смотреть в окно.
Мадам, все опали листья...
Вам шляпка к лицу, мадам.
Я сам себя нынче высеку,
На суд себя правый предам.
Предам всеобщей огласке
Крамольных мыслей огни.
Но Вам, мадам, нет опаски –
Остыли пожары мои,
И бури чувств улетели.
И тают, как вешний снег,
Сосульки любви, капли...
Едва ли Вы знать хотели бы,
Как умеет любить поэт
На склоне прожитых лет...

*я пенсионер

Тебе ли доверять не смею,
Осенний лес?
Как ворс ковра, шагами мерю
Опавший лист.
На потемневшей позолоте
Твоих оборванных знамён
Щемящей тонкости налётом
След инея... истаял он...
Нет слаще воздуха, чем в роще,
Пронзённой октябрём,
Когда видна ясней и проще
Чреда времён.
Прочерчены над головой
Изломы оголённых веток,
И всюду вижу я приметы
Изменчивости роковой.
Ещё затылок солнце греет,
Но стынут пальцы ног и рук.
Вот куст сирени зеленеет,
Но тополя обнажены вокруг.
И ветра свежие порывы,
И мелкий дождик моросит.
И дни становятся унылы,
В душе щемящий стон «прости»...

Вариации

Через заслоны ран былых
Наружу рвётся откровенье,

И дум, и чувств нагроможденье,
И дней прожитых удивленье
Стремится до сердец других.
Как в мире мыслей одиноко
Блуждает каждый человек!
Никто не повторит их бег,
А многие уйдут навек.
В минуту страшного ухода
Соединить свои шаги
С чужою музыкою жизни,
Соткать узор единой мысли,
Таких же чувств зажечь огни
Желают многие.
Но всё же
Тем и хорош наш мир земной,
Что дар такой Всеблагий Боже
Даёт лишь избранным порой.

Преодоление

Есть много слов, растущих, как цветы,
в горшках и на газонах, и в лесу.
Пробравшись к ним сквозь цепкие кусты,
немногие я людям в дар несу.
В душе-тайге такие есть места,
где родники выходят из земли.
Там светит мудрость, греет доброта,
там мужество и честь венки сплели.
А этот, неприметный и простой,
зовут – Преодоление в борьбе.
За ним идут обрывистой тропой.

Не в нём ли спрятан ключ к людской судьбе?
Скромны слова-цветы, что я нашла.
Но из семьи бессмертников они.
Вглядитесь сквозь насыщенные дела,
ведут ли вас по жизни их огни?

Тополь

Тополь весенний стоит, как цыган,
медные серьги развесил.
Он от апрельского ветра пьян,
он вызывающе весел.
Вот из-под смолью бьющих кудрей
глаз ошалелый глянет.
Вот из-за пояса кнут-змея
вынет и пляску грянет.
И закружится, серьгами звеня,
только белки мелькают...
Тополь не слышит, не видит меня.
Ветер ветвями играет...

Из цикла «По мотивам немецкой поэзии»

Тишина.
Ей нет конца.
Слова моей тоски
нашепчет ветер
и унесёт их
в неприкаянную даль.

Фантазия

В серой повседневности
мимо жизнь идёт.
Но в моей головушке
небо, море, чайки –
и всегда полёт.

Бесцветно

В темноте храма
над каменной высотой
витражи стёкол
в окованных розах сверкают.
В светлой игре красок
ощутила я,
как бесцветно
жизнь моя
протекает.

Почему?

Оторвана ветка.
Погибла в снегу птица.
Разрушено возрастом
и недугом дивное лицо – почему?
Слово даёт мужество рисковать
в поиске правды – почему?
Мы кричим,
но наши крики
никому не нужны,

без ответа остаются
наши вопросы.
Только Слово даёт силу
нести правду.

WEGZEICHEN – знаки пути.

Вслушиваться
в голоса жизни,
пытаться понять смысл языков,
учиться у камней и цветов.
Смеясь,
по трудной дороге
лёгким шагом идти.

Следить
за среброкудрявыми волнами облаков.
Они как будто потерялись в небе
на горизонте,
где небо и море
соединяет в бесконечном переходе
угадываемый берег.

Кусочек неба в окне.
Не в силах успокоить
мороку-тоску.
Но справится с нею –
бодрствующая мечта.

Арлекин

Карнавал.
Арлекин.
В платье полубелом,
получёрном.
Рот – смеётся,
сердце – плачет.
Две дуги одного круга,
смех и страдание.
Душа,
ты тот же Арлекин
на карнавале жизни.
Белая – и чёрная,
восторг и рыдание.

Моё сегодня

Праздник творят люди.
Они хотят ритуальных шествий.
Они ждут взмаха дирижёра,
чтобы петь хором, идти по кругу.
Руки сплетены, ноги в ритме.
Ёхор! Хоро! Хабанера страсти!
Берегитесь, власти.
Дайте им зрелищ,
дайте слово истины человеческой.
А Правда у каждого своя:
звёздное небо над головой и –
нравственный закон внутри нас.

Лунный свет

Лунный свет позвал меня в дорогу,
На озёрной глади – лунный след.
В небесах – «пустыня внемлет Богу».
А в душе моей покоя нет...
Отчего волнуется сознание?
Мне приснился, как живой, Поэт.
Будто вышел пред большим собранием,
Белый весь, –
И вздрогнул мне в ответ.
Будто подошла к нему я сзади –
Он не ожидал, растерян был.
И ушёл, исчез, покоя ради.
И со мною не поговорил.
А народу было там немало,
Весь такой неведомый народ.
И какой-то чёрный юркий малый
Пальцем ткнул в меня: «Вот эта, вот!»
Мол, она ответит на вопросы.
Замещает главного она.
...Я проснулась.
Кто же меня спросит?
И кому я стала так нужна?

20 мая 2012 года

Я живу в несовершенном мире,
Окнами на север и на юг,
И в панельной городской квартире
Создаю походный неуют.

Рукописи в папках, как в приюте,
Внучкины учебники и куклы.
Мне порой бывает неприятно,
Если кто мой ералаш застукал.

И, наверное, коль враг мой – вся система,
И с порядком редко я дружу,
У имущих власть поддержки нужной
Очень трудно, редко нахожу.

Хочется сбежать – но где свобода?
От чего свобода, Боже мой?
Ведь рыбачка я, из Черемшанки
Всё тяну дырявый невод свой.

Встреча. Вампилов и Байкал

После дождичка в четверг
Мы гуляли на Байкале.
Посетили нерпинарий
Все пятнадцать человек.
Нас Байкал сурово встретил
Хмурым небом, ветром стылым...
Белый мрамор... облик светлый –
Здравствуй, Саша наш Вампилов!
Черемховская земля
Рядом с мрамором легла.
Поклонились. Помолились...
Солнце в небе появилось!
Вот Листвянка впереди.
И Никольский храм в распадке.

Ставим свечи под лампадкой –
Сердцу радостно в груди.
Склоны гор, кедровый лес.
Вдруг тепло стекло с небес!
И – Байкал у наших ног!
Пена, брызги, волн наскок,
Шум прибоя, моря блеск.
В небесах простёртый Крест...

Песня о реке Белой

Присяянские белки,
далеки вы, далеки.
Летним днём на грани неба
ваши синие дымки.

Из-под тех могучих круч,
что взметнулись выше туч,
бьёт исток реки студёной,
от снегов саянских жгуч.

Знать, за место родовое
среди нетающих белков
прозывают речку Белой
с незапамятных веков.

С гор несёт себя река,
и вольна, и глубока,
повороты, перекаты,
пляжи-отмели песка.

Притяжение реки
испытали казаки.
Там селились наши предки,
где хозяйствовать с руки.

На высоком берегу
храм, как дева на веку.
И стоит острог казачий –
люди память берегут.

И каждый год мы в час назначенный
У камня этого стоим,
Цветы приносим, молча плачем,
Слова простые говорим.
И вспоминаем покаянно
Родной страны тяжёлый грех,
И называем поимённо
Безвинных миллионы тех,
Кого, как карты, тасовали,
Жить по указке назначали,
Людей за винтики считали
В машине государства.
Нет
Забвенья этому кошмару.
Тех испытаний память яра,
И черемховский камень чёрный –
Потомкам праведный ответ.

Частушки

Мы в Нукутах и Тангутах
Будем летом отдыхать,
Минеральной водою
Все кишочки промывать!

В Головинке уголёк
Горнякам понравился,
И на вахту в Головинку
Черембасс отправился.

Эй, зять, ты мой зять!
Не тyani волынку.
Поспеш-ка подписать
Контракт на Головинку!

8 октября 2012 года

Вчера, седьмого октября,
слетели дружно листья с веток.
Берёзы за моим окном
все оголились,
застыдились,
Теперь уж снега ждём.

Отзвуки любви

1

Прощай.
Я ничего тебе не обещала.
Твоих обетов не брала.
Прощай!
Мы не начнём сначала.
Мы расстаёмся –
Вот и все дела.
Да был ли ты?
Какое наваждение...
Да не придуман ли, сгустившийся из грёз?
Какие сумасшедшие мгновенья!
Как нереально всё, и как всерьёз...
Пусть ты рождён одним моим желаньем,
Живая плоть пульсирующих слов –
Иди к другим.
Я ухожу.
Прощанье
Не будет долгим...

2

А было что?
Недолгий разговор,
Согретый самым искренним общеньем.
Покою моего беспечный вор,
Ты заслужил, пожалуй, отомщенья!
Я сон-траву весною соберу,
Настой сварю

И в полночь нашаманю.
В сосновом одурманенном бору
На ветер расплещу рассветной ранью.
И ты... в далёком городе... вдохнёшь
Подснежниковый, чуть заметный запах...
И... затоскуешь... места не найдёшь!
Помчишься на восток или на запад!
И станешь вечным странником с тех пор –
Искать причину странного смятенья.
Создашь роман.
Нетленный, без сомненья!
И я вздохну: свершился наговор...

3

Ты – горячий. А я – холодна,
Как река, из-под снега сбежавшая.
Потому и осталась одна,
Не обласканная, уставшая.
Ты, наверное, не поймёшь,
Говорим мы на разных наречиях.
Повстречался – и дальше пойдёшь.
И тебя уже больше не встречу я.
Может, мне это всё поломать,
Перепутать, поставить на голову?
Может, хватит сидеть и ждать,
Пусть прохватит ветром и холодом?
Пусть навалятся сплетни толпой,
Анонимки, проклятья и жалобы...
Не хочу умирать святой!
Вот с тобою и грешницей стала бы...

4

В жизнь мою среди зимы холодной
Ворвалась нежданная весна,
Потрясением бури первородной,
Обмороком чувственного сна!
Всё во мне значительней и проще,
Глубже зренье просветлённых глаз.
Так разбуженные бурей рощи
Ждут и слышат тайных сил приказ!
Так земля, притягиваясь к солнцу,
Замирает в ожиданье гроз...
Что же будет?
Счастьем ли упьёмся?
Или полной чашей слёз?

5

Непозволительное счастье
Навyleт прострелило грудь,
На облаках меня качает.
Помедли, жизнь моя, чуть-чуть!
Самокопания морока
На русский, бабий, клятый лад.
Куда мне спрятаться от рока?
Шагнуть вперёд?
Бежать назад?
Неуправляемое тело...
Обезоруженная мысль...
Как солнце о свободе пело!
Простор, полёт!
И страх... и высь...

7

А я для Вас, как льдиночка,
на солнце расплылась,
как на ветру слезиночка,
непрощена, взялась.
Явилась – и растаяла.
Приснилась – не забыть.
Замаяла, заставила
всё наново прожить...

6

В гармонии, мне говорят,
Сольются душа и тело.
Молва назовёт – разврат.
Но это – другое дело!
Лети, если это – ЛЮБОВЬ!
А после – там будь что будет...
А в жилах бунтует кровь,
Гремит, как шаманский бубен...

8

Мальчишка, не встреченный в юности мной,
Пришёл – а виски уж блестят сединой,
Пришёл – под глазами усталость лежит.
Крутые кружили, видать, виражи...
Ты – мальчик. Я – девочка.
Лето. Жара.
Меж нами, наверно, начнётся игра.
Дерзишь.
Раскраснелся.
Колючий, как ёж.
С тобой компромисса, поди, не найдёшь.

А мне бы...
Погладить тебя, приласкать,
В колючую щёку поцеловать...
Где сосны и море – туда уведу,
На горькую радость ли, на беду,
Водой окроплю и расправлю морщины.
И станем – я женщиной, ты – мужчиной...

9

Пригубив из родника
и припав к стволу кедровому,
потянулась к свету новому,
сил прибавилось слегка.
И весёлому бесстрашию
научилась невзначай.
Завтрашнему и вчерашнему
приказала: не печаль!
Обернулась белым облаком
и взлетела в летний зной.
Так парить мне любо-дорого
между солнцем и тобой...

10

А может, я – судьба твоя?
В каком-то предпоследнем акте
или в антракте бытия
мы на крутой и узкой тропке
столкнулись – и не разойтись.
И вот я сквозь тебя на жизнь
теперь смотрю –
и замираю

от ошалелости, врасплох,
от новизны того, что знаю
уж столько лет.
Но, видит Бог! –
всё ярче, всё теперь прекрасней!
Ты – призма для души моей!
И мир жестокий стал милей,
угрозы старости – напрасны.
Дороже стал остаток дней
свободных...

11

Голос твой из трубки телефонной
зазвенел, как струйка родника.
Припадаю, пью неутолённо.
Ноша дня становится легка.
Помню я, была пора такая,
хрипло голос в трубке замирал,
как огнём, желаньем обжигая,
и шептал, и заклинал, и звал.
Ты – вдали.
А голос – вот он, рядом,
обнимает, нежит и журит,
тусклых вечеров моих отрада,
чистым ручейком в руке журчит.

12

Как маета без маяка
и как блуждание без цели:
пообещать – и разуверить...

и что же: верить ли, не верить?
Так эта ниточка тонка,
как паутинка у виска –
легка, а мучает. Слегка...

13

Светило солнце. Ветры дули.
И снег пробрасывал крупой.
И чувства будто бы уснули
апрельской пасмурной порой.
И нет томления, истомы.
Продрогло сердце, в нём – ледок...
Но милых губ изгиб знакомый,
но в тонкой седине висок
увиджу – и мороз не впрок.
И я – мишень.
И ты – стрелок!
И снова на излёт, сквозь душу
стрела ли, пуля пролетит.
Любовь жива, и лёд разрушит,
и вознесёт меня в зенит.
О как ликующе звенит
во мне её многоголосье!
Благословляю, что не просит
ни жертв, ни боли, что простит
великодушно заблужденья.
Благословляю обновленье
души в её живых лучах,
моей – в твоих синь-свет очах!

14

Я не знаю, как нашли мы друг друга,
Это случай, или рок, или благо.
Может, в дверь уже стучится разлука?
Может быть, до расставанья – полшага?
Шелестят сухие листья под ветром,
Словно дни наших встреч незабвенных.
Мы с тобою старомодны, как ретро.
И как ретро, мы с тобой современны.
Нас с тобою мир добром принимает.
Нам с тобою мир себя раскрывает.
Как же всё у нас замешано круто,
И любовь, и стихи, и работа.

15

А мне легко, по-молодому
шагается осенним днём.
Метут листву за каждым домом,
и пахнет дымом так знакомо,
а я всё думаю о нём...
И воздух стыл, и небо сине,
и куст разделся донага.
Уж падал снег, ложился иней,
замёрзли шарики полыни,
а мне тепло, как никогда!
А я в очаг воспоминаний
кидаю хворостинки дней.
Огонь пылает всё сильнее...
Мне родники моих мечтаний,
моих стихов, моих посланий
живительны в песках забот.

Пусть в жизни всё наоборот,
но он со мной, неповторимый,
мой непридуманый любимый,
воображённый – и живой,
непостоянный и ранимый,
ветрами времени гонимый
по линиям судьбы чужой.

16

Отлучаешь?
За нетерпение?
Нетерпение сердца. Бог мой!
Обрекаешь на самосожжение?
Разгорайся, огонь святой!
Возведи же костёр повыше
и взойти на него помоги.
Холодны твои руки.
Не слышу,
бьётся ль сердце...
иль камень в груди...

17

«Звони!» – небрежно, как «Прощай!»
Звоню. Мне это – воздух жизни.
Нет ни обид, ни укоризны.
Не можешь – и не обещаешь...

18

Нет, нет! Ты – не судьба моя...
В последнем акте брэнной жизни

какую пытку для меня
готовит рок?
На чьей-то тризне
свой жребий прочитаю я,
свои увижу похороны.
По капле соки бытия
уйдут из жил...
Как сохнут кроны
деревьев в ожиданье вьюг,
так высохнут, редея, кудри...
Глаза, увянувшие вдруг,
уже не вспыхнут в свете утра.
И всё мучительнее мне
предстанут встречи и разлуки...
И всё томительней во сне
к тебе тянуть я стану руки,
и всё пытаться разорвать,
и не решаться кончить разом...
И что за мука: больше знать
душой, чем понимает разум...

19

Отзвенела душа, отпела,
осыпая тебя стихами,
как осенний сад, облетела,
зябко машет тебе ветвями.
Отлюбила и отмечтала...
шелестит, как сухой листочек.
Что имела – не удержала.
Ничего она больше не хочет...

20

Я на свои стареющие руки
гляжу, как на чужие, не свои.
Предвестники немислимой разлуки,
рабы мои, предатели мои!
Безжалостно
стареющие
руки...

21

Заворкует ли голубь
вдали на чужой стороне,
о тебе вспоминаю.
А ты не забыл ли совсем обо мне?
Налетит ли порыв штормовой,
пыль до туч и гроза –
Среди молний и ливня
твои мне синеют глаза.
И раскатистый гром
не угрозой звучит, а мольбой.
Если молния – ты,
то уж гром – это точно, другой.
Если только в боренье,
в движенье стихию влечёт,
если в вихре и сшибке
она красоту создаёт,
то не значит ли это,
что нет преступления в том,
что за творческий взлёт
мы порою друзей предаём?

22

Когда-нибудь войдём мы в этот город.
На улице столкнёмся невзначай.
Друг друга не узнаем. Только голос:
«Простите. Извините...»
Губ печаль
да глаз такое странное свечение,
как будто из забытого кино,
нас остановят.
Есть предназначенье
в порывах наших.
Мы помедлим. Но...
Мы не протянем, нет, – друг другу руки
и радостно не улыбнёмся, нет...
Мы разойдёмся.
И затихнут звуки
твоих шагов
в пространстве
долгих лет...

23

В каком столетье и в какой эпохе
промчалась эта буря сквозь меня?!!
Любовь нага, ей все одежды плохи
условностями скованного дня.
Любовь слепа, наивна, простодушна,
вне разума, законов и границ.
Пред ней склонялись мудрецы послушно,
и богатырь, и царь лежали ниц.
А я?
Песчинка в море человечьем

к ней прикоснулась – и сошла с ума...
Теперь живу, как в платье подвенечном,
заметна всем, нелепа и смешна.
Чур, чур меня!
Исчезни, наважденье!
Бежать!
И в отрезвляющем труде,
в усталости, в ночах без сновидений
найти спасенье...

24

Память моя ранена тобою...
Что-то время, нерадивый лекарь,
не спешит забвенья пеленою
затянуть печаль мою навеки.
В тихие снега утонут годы,
отцветут глаза, оставят силы.
Ты лучом живительным потрогай,
прикоснись,
явись,
воскресни,
милый...

На 60-летие моему папе В.М. Калашникову

Поздравляем тебя, папа,
С юбилеем славным.
Не тужи, что жизнь к закату,
Ты ведь знаешь главное:
Шестьдесят стоят в шеренге,
Боевых, упрямых, ярких
И, как ратники, готовых
Отразить любой набег –
Шестьдесят достойных лет.
От походов пионерских,
Комсомольских споров дерзких,
До военных дней суровых,
До великих дней побед.
Ты ведь знаешь: этот город,
Эти улицы и люди
С разной трудною судьбой
Соединены с тобой
Временем, когда был молод,
Яростью горняцких будней,
Честной жизнью городской,
Доброй памятью людской.
Порох есть в пороховницах –
Ты не можешь не трудиться.
Как сибирский мощный кедр,
Здравствуй много долгих лет!

Неге Филипповне Бардиной

Я на выставке, живопись – ох да ах!
Все пейзажи – как Бога привет.

Эта молния словно раскол в небесах!
Эта ночь и таинственный свет
Увлекают в глубины мыслей и чувств
За художником Виктором Бардиным.
Он давно в небесах, но на выставке этой
Словно дух его всюду витает.
И вдова элегантно и гордо сидит,
На картины любовно и нежно глядит,
Что становится каждому ясно:
Эти люди друг друга любили,
И жили они прекрасно.
Виктор Бардин однажды
Встретил юную Белоснежку
И от глаз голубых и весёлых
Отвести не мог своих глаз.
Он привёл иркутянку в родительский дом.
И ни разу не пожалел о том.
Знать, судьба, чтобы Нега Одинец
Стала Бардиной Негой Филипповной,
Создавала для города лаборатории,
Научила любить чистый воздух.
Говорим ей спасибо за это.

Воспоминание

Вот и солнце к Байкалу склонилось,
Вот коснулось лучами волны.
Может быть, это мне приснилось,
Что с Байкалом встречаемся мы?

Это сны наяву, это сказка –
Беспредельная глубь и высь,

Дальних гор жемчужовая связка
И костра затаившийся лис.

И сидим мы, как будто масоны,
Тайной встречи свершая обряд,
В окружении стражи зелёной
Каменистых прибрежных оград.

И Байкал самоцветных камней
Обнажает нам влажный узор,
А над ним как благое знаменьё
Расцветает небесный простор.

Звёздный круг в вышине недоступной
Караул свой вечный несёт,
И навстречу спешащее утро
Отмеряет нам прожитый год.

Фантазируй, донна Эльвира!
Размыкай колдовские круги!
Чародейные волны эфира
Оживляй мановеньем руки!

Этот дар у тебя дерзновенный:
Собирать самых близких людей
Каждый август в честь дня рождения
В уникальной природной среде.

И спасибо Вам, донна Эльвира!
Задушевный собрался круг.
Пусть хранят Вас и Роза мира,
И Ваш ангел, и каждый друг!

Пожелаю Вам многие лета,
Пожелаю покоя душе,
Полноты миротворного света,
А в бессмертье взошли Вы уже!

17 сентября 2011 года

Ах, Виталий, друг мой милый,
Всё бывшее ты забыл.
Появился вдруг – и сгинул,
То ли не был, то ли был...

Мне твой голос так приятен,
Умный дорог разговор.
Ты во всём оригинален,
Тонкий юмор твой остёр.

Среди шумной молодёжи,
Среди мудрых пожилых
Мне один удел положен –
Непонятной быть для них.

Если сердце не остыло,
То услышишь мой призыв.
Позвони однажды, милый,
Место встречи назови.

Мне тебя отраднее видеть,
Жаль, что ты исчез уже.
Коль встречались бы мы чаще,
Было б легче на душе...

Петрович, голуметский мастер

Рождённый художником, света хранитель,
Искусный ваятель и душ уловитель,
Он шёл по дорогам на юг и на север
И в поле людское лишь доброе сеял.
На склоне своей легкокрылой судьбины
Вернулся в тот край, где был домик родимый,
Где он родился в крестьянской семье
И рос, с малолетства в нужде и в труде.
Здесь первых шагов его след затерялся.
Но вновь он явился, он сбылся, он стался!
Вот май в день рождения дарит теплом,
И лес распускает нежнейшие листья,
Багульник сияет, всё вторит о том,
Что в мире чудесное диво творится.
Свой двор превратил в мастерскую чудес:
Волшебный колодец, фонтан до небес!
Художник Георгий, Вам низкий поклон!
В земле Голуметской ВВ – Кола Брюньон!

Николаю Зубареву

Примите стих, почти экспромт,
на точке схождения интересов
и моей Вам признательности.
Николай! Ты родился в апреле,
накануне Великой Победы.
И в такой же, как знать? – день недели,
в четверг или, может быть, среду.
Были рядом отец и мать

и спасали, не дав умирать.
Жив и дедушка был тогда,
тот, из Ревельского гнезда.
Родословие поколений
тебя прочило, если не в гении,
то в доценты уж институтские,
Ленинградские или Иркутские.
Но судьба оказалась суровой.
Суждено было Коле иное.
Он сибирским селом очарован,
им воспитан, вскормлен и вспоен.
И душа проросла корнями
в землю ту, колыбель человека.
В этот мир, где сельский хозяин
пашет, сеет, хлеб убирает,
производит мясо и млеко.
Ой ты, гой еси, добрый молодец!
Николай Константинович Зубарев!
Уж пять раз по двенадцать небесных колец
прокатились вселенским кубарем.
Кольца жизни, ствола Воронёного,
из Балтийской пены рождённого.
Божий замысел славно исполнился
в сыне, в дочке талантом тонким.
И стучится в далёкой горнице
сердце будущего потомка.
По трудам своим ты – наш профессор,
краевед, историк от Бога.
И музей, заповедник сердца,
это в будущее дорога.
Пожелаю от всей души,

чтоб желанья твои сбывались.
Николай, теперь не спеши,
диссертацией занимайся.
И вообще – свободней дыши,
улыбайся, во всех влюбляйся,
и статьи и книги пиши!

Юной подруге

Пускай останутся в минувшем
Невзгоды, беды и печали.
Давай надеяться на лучшее!
Мы новую весну встречаем.
Ты в имени ищи опору,
В тебе самой такие силы.
Поверь – ты станешь очень скоро
Опорой дочери и сыну.

Предвкушение весны

За что люблю Восьмое Марта?
За предвкушение весны!
За ожидание подарка!
За упоительные сны.
Как наши дали осияны!
Холсты снегов глаза слепят.
А в полдень – солнечные ванны!
Капели первые звенят,
Пичуги в скверах гомонят.
И от улыбок в лицах свет.
И о проблемах мыслей нет...

О дорогая моя дочка!
Тебе хочу я пожелать,
Чтоб всяко лыко было в строчку,
Чтоб радости от жизни ждать.
Пусть и в грозу заглянет солнце!
В душе открой ему оконце.
Смотри на жизнь повеселей
И унывать, мой друг, не смей!
За каждым взлётом жди паденья,
Но знай: любые приключенья
Украсят серый скучный быт,
Которым всяк по горло сыт.
И, если цель вдали маячит,
То сколько мяч судьбы ни скачет,
Он к ней подкатится в свой срок.
Верь и надейся, мой дружок!

Мы все – Водолеевы дети.
Простите, Перун и Ярило!
По сердцу нам дерзкие ветры
И ливни, чтоб скуку размыло.
Не впишемся в схему, в систему,
Шаблоны для нас не годятся,
И лишь вдохновенья измены
На сердце, как шрамы, ложатся.
Нам Музы – мужья и подруги.
Их ветренный нрав так беспечен,
И так беззащитен от вьюги,
Которая кружит нас вечно...

Галине

Мы Вас поздравляем, Галина!
Сегодня рождения день.
Пусть хмурится утра картина,
Пусть тучи надвинулась тень,
Мы дружеской доброй улыбкой
Развеем заботы твои.
Сегодня зелёные зыбки
Качают соцветья весны.
И светлая зелень листочков
Берёзок и тополей
Поставила яркую точку –
Весна прилетела с полей!
В лесах распустился подснежник,
И где-то жарки зацвели.
Такое короткое, нежное
Идёт оживленье земли.
И мы поспешим непременно
На эти смотрины невесты.
И даже клещей нападение
Не остановит пред лесом.
Земля, как невеста, нарядна.
Жених её Летом зовётся.
Галина, нам так отрадно –
Ты вся, как весеннее солнце,
Вся светишься радостью вешней,
Застолье для нас сочинила.
Да здравствует дружба, как песня!
Здоровья тебе и всесилья!

С Днём рождения, Ниночка!

Ах, это майское сиянье!
Пропах черёмухой весь город!
Несут подснежники из леса
И жёлтых венчиков узоры.
Уже и яблоньки в расцвете,
Спешат акации, сирени.
В такую пору да родиться –
Такое Ниночке везенье!
Конечно, мама ликовала,
Когда малютку родила.
Она тогда ещё не знала,
что на пороге ждёт война...
Промчались годы. Жизнь сложилась,
Чреда потомства появилась!
Собрался ныне круг друзей,
Все поздравляют и желают,
И боли тут же уступают,
И сердце бьётся веселей!
Да будет майский день чудесным
И тёплый ветер освежит!
И всё задуманное Нина
Великолепно завершит!
С рождением тебя, родная!
Живи по заповедям Божьим.
Тебя весь «Феникс» поздравляет
И твою радость приумножит!

45-летие разреза «Сафроновский»

Сафроновский разрез! Ты наша колыбель.
Открылся ты в шестьдесят пятом.
С тобой росли, тобой гордились мы
И были дружбою богаты.
Орденоносный, знаменитый,
И нами ты не позабытый!
Пускай остался как мираж,
Как призрак на пустой равнине,
Но всё равно ты наш, ты наш,
Как дом отцовский, ты любимый.
Ты школа жизни и труда,
Профессии, гражданской силы.
Путь испытаний выпал нам,
Ошибок крест невозместимых.
Но как бы ни был путь суров
В скрещении имён и судеб,
Мы возвратились в свой исход,
Мы снова выбрались из будней .
Что в имени твоём? Не только славы звон,
В нём всех разрезов отсвет чинный:
Храмцовский, Северный
И Новогришевский потом,
Соединились все перед кончиной.
Важнее нам, пожалуй, имена
Тех горняков, достойных славы вечной,
Что в памяти людской, в музее на столах
Хранятся для потомков уж навечно.

С Юбилеем!

И каждый год начало лета
Для нас событие вдвойне:
Рождение Вали и Поэта,
Сиянье солнца в синеве.
Как улицы благоухают,
Цветы и листья источают
К любви зовущий аромат!
Вдыхаем мы, и каждый рад
Пьянящим воздухом упиться,
Прекрасным мигом насладиться.
Поэзия везде разлита,
Цветения короткий миг.
О гений Пушкина велик,
Но, право, музы дар привит
И Валентине от Вадима,
Она и Он – неразделимы!
В дар из лесов Вадим приносит
Всегда лесных цветов букет,
По жизни нежно он проносит
Любовь и верность с юных лет.
И преданнее нет союза!
И легче боли злой обуза.
Мы дружеский несём привет
И поздравленья Валентине,
И пожеланье долгих лет.
Пусть в сердце чувство не остынет!
Унынью – нет! Потерям – нет!
Пусть вечным будет этот свет!

Памяти Галины Харитоновой

За упокой души безгрешной
Молить пришла пора.
Уж год, как в стороне нездешней
Ты свой приют нашла.
Ты мученицей покидала
Корыстный мир людской,
И с ангелами пролетала
Душа твоя в тот мир иной.
Она, душа, и с неба смотрит
На милый дом
И по ночам неслышно ходит
Под крышей в нём.
И сон сыновний охраняет,
Покой и лад,
А на рассвете улетает
К себе, назад.
Туда, где в параллельном мире,
Без оболочек тел,
Витают души всех ушедших
За жизненный предел.
За всех, кого ты так любила,
Страданье приняла.
И обижавших ты простила.
И зло, и зависть ты забыла.
И с миром в сердце отошла.

Разговор с Толстым

Граф Лев Толстой! Прими мои раздумья.
Как мог ты проникать сквозь чувства, мысли?
Подспудные вскрывать движения и силы?
От Бога только этот дар у графа!
Прошёл войну, познал он высший свет,
И сам себя познать всю жизнь стремился!
Был увлечён хозяйством поначалу.
Но мысль работала упорно.
Он Православие в обмане уличил.
Он отказал дворянству в праве
Сидеть на шее у крестьян.
Он потрясал империю протестом!
От церкви отлучили графа.
Анафеме предали всенародно.
Но толпы шли учеников к нему,
Весь мир читал его романы.
И старца царь ревнует к славе:
«Два императора России не нужны!»
А был он глубоко несчастен, одинок.
И всё не так, и дети не такие,
И Софья не поймёт уж никогда.
И путь один – уйти из дома,
Исчезнуть в никуда и навсегда...
С портрета смотрит цепкими глазами:
«Что там у вас? Есть правда?» Граф, вы – с нами!
Идёт борьба, война и ломка мира,
И не гремит набатом чья-то лира.
Но Ваше слово слышат наши души.
Вы – русский из великих, вы – наш лучший.

13 февраля 2009 года

Тридцать пять – это градус предела.
Не работает, рвётся металл.
Экскаваторщик, ты не у дела,
Спи и грейся, раздуй самовар!
Тридцать пять в феврале – не бывало!
На исходе зимы – тридцать пять!
Вот так Сретенье нынче настало,
Валентинку в мороз рисовать.
Я пошлю валентинку Андрею,
Поцелую его, обниму.
Если сердце забьётся сильнее,
Значит, будет приятно ему.

*Милой, умной, просвещённой,
увлечённой, восхищённой
и судьбой не сокрушённой
Александре Васильевне
в День рождения 16 апреля 2011 г.*

Апрель рифмую с колыбелью.
Апрель – певучее созвучье,
И в нём капель, и в нём свирель,
И свет, и ветер в нём озвучены.

Сей месяц – рода продолженье.
Рожденьем дорогих людей
Он освящён – и дочки Жени,
И внучки Сонечки моей.

И женщине, родной по духу,
Мне самой близкой, дорогой,
Я подношу букет признаний
И поздравлений, пожеланий,
Моих и «Феникса» со мной.

Вы, Александра, символ силы
И чуткости, и доброты.
Весны священной пробужденье
И ваш чудесный день рожденья
Божественно озарены.

И, как заветный вальс вселенной
Меж звёзд таинственных фигур,
Весенним духом напоенный,
Кружит людей летящий тур,

Тур вальса жизни воскрешённой.
К любви и радости спешим,
И славим Богочеловека,
И всех прощая, не грешим.

К Вам робким словом прикасаюсь,
За опоздание покаюсь,
Ведь Вы прощаете ошибки,
А мы уроки ваши чтим.
Хоть набиваем в жизни шишки,
Но к Вам покаяться спешим.

Вадиму Инешину

Вот и снова закончилось лето
нашей встречей за Вашим столом.
Сколько сказано здесь, сколько спето,
сколько выпито чаю с тортом!
Вот и снова мы Вас поздравляем,
День рождения отмечаем.
Год прошёл – и сегодня на свет
появилась желанная книга!
Это возрасту лучший ответ,
это всем Вашим недугам – фига!
Для того, кто идеями полон
и огнём негасимым горит,
возраст старости стал престолом,
муза сцены венки Вам дарит.
Ну, а мы Вам друзья, и душевно
рады встретиться, нежно обнять.
С Валентиной Вы рядом бессменно,
для неё и супруг Вы и мать.
Так заботливы, так беспокойны –
поменялась ролями она.
Что за жизнь отдала Вам достойно,
возвращаете ей сполна.

Юре Погодаеву

Октябрь. И другу давних лет
мы шлём студенческий привет.
Тебя мы нынче выкликаем:
«Ах, Юра, как ты там живёшь?»

Ведь коль судьба – насмешка злая,
то с нею шишек вмиг набьёшь!»
Но ты, воистину, хорош:
своим путём идёшь-бредёшь.
И правильно! В семье своей
справляешь мирно юбилей.
За внуков, сына и жену
ты выпьешь рюмку не одну.
За свой любимый огород,
за урожайный славный год.
Про нас не вспомнишь – не беда!
Пришли иные времена,
и осень золотой была,
да ветер все сорвал наряды.
С тобою встретиться б нам надо
и вспомнить прошлое с отрадой –
великолепно жизнь прошла!
Что ж пожелать тебе, дружище?
Похвально, что зарплат не ищешь,
что для души нашёл усладу –
другого ничего не надо;
что за внучат душа болит
и к звёздам мысль порой летит.
Желаем быть самим собой,
жену лелеять, ей гордиться,
на даче с сорняками биться
и долго жить в семье родной.
И не желать судьбы иной!

Сёстры Калашниковы

2011

Дорогая Альбина!

Наша Аля, Альбина Степановна!
Поздравляем! Уже – шестьдесят.
Всё, что было в судьбе предугадано,
Всё свершилось. И годы летят.
Оглянись – были радости в жизни,
И любовь, и сынок дорогой.
Вышли книги одна за другой.
Нет упрёков и нет укоризны –
Ведь за счастье строгий расчёт.
От судьбы не бывает поблажки,
И за радостью горе бредёт,
За сюжетом – крутая развязка.
Твоя лыжная трасса – всё тут,
Всё по тем же лесам и пригоркам,
Лишь короче до финиша путь,
Да поменьше скольжение с горок.
Ну, а мы поздравляем тебя
От лица всего общества «Феникс».
Ты – спортивная наша звезда,
Вдохновляешь, и тянешь, и ценишь!
И в февральский метельный денёк
Мы желаем тебе исполненья
Всех надежд, чтоб стучало в висок
Вдохновение, радость, волненье!

Милой соседке

Мы с Вами живём по соседству.
Мы видимся каждый день.
И пульс Вашего сердца,
и Вашего дома сень
мне быт одинокий греют.
Добром и участием веет
от Вас и Ваших цветов,
подаренных Вами когда-то,
без повода и не для даты,
а просто от доброй души,
от ласковой простоты
совсем не простого ума,
которому правда дана
и чуткий учительский дар.
Он Вам во спасение дан!
Ведь в Ваших учениках,
воспитанниках детдома,
Вы остаётесь, как мама,
и также для них близки.
О, Вас они все почитают!
И это – как вешний поток.
Прекрасно, что вновь расцветают
Улыбка и Ваш голосок.

Актрисе

Стихи Людмиле все писали
И прозой тоже восхваляли.
Людмила Мошкина любима,
Для Черемхова это диво.

Дитя театра, сцены дочь,
Нельзя Вам возрасту сдаваться,
И мы решили в том помочь,
Чтоб Вам почаще улыбаться.
Вы – легкокрыла, легконога.
Не уступая молодым,
Живёте новыми ролями,
И песнями, и встречами
Со зрителем и с нами.
Так вспомним детские года!
Для Вас насобирали мы
Вот этих яблок молодильных,
Чтоб возвратить тот юный свет.
И этот телефон мобильный
На все вопросы даст ответ!
От журналистов и радистов
Примите пламенный привет!

Тамаре Белобородовой

*Очаровательная, обаятельная,
неповторимая Тамара Константиновна!
Поздравляем с днём рождения!*

Ах, это лето! Ночи – коротки,
Июньские цветущие деньки!

Рождённые в созвездье Близнецов,
Поэзией и творчеством богаты,
И мы поздравить нынче рады
Тамару Константиновну – сто крат!

Рождённая в двадцатом веке,
Прошла Тамара славный путь,
И в этом милом человеке
Мы любим творческую суть.
Поэзия натурой стала,
И память на стихи легка.
А как точна её рука,
Когда картины вышивала!
Художником для нас являлась!
Всё мастерить она старалась.
А как заботливо растила
Цветы, и сына, и внучат.
Теперь они пред ней склонились,
По зову первому явились,
И в доме делают ремонт,
И бабушку за город возят,
И даже в Индию вывозят,
Чтоб тоже повидала свет.
Ведь там прекрасно, где нас нет!
Тамара всё преодолела
И не роптала на судьбу.
За это круг друзей растёт,
И уважают все Тамару
За доброту и теплоту,
За мужество и благородство
И за такую простоту,
Что исключает превосходство.
За справедливость и участие,
Как в радости, так и в несчастье.
Благодарим, Тамара, Вас,
Пусть радость дарит каждый час!

Анне в День юбилея

Мы рады Вас поздравить –
Ваш юбилей сегодня.
Пришли мы к Вам на праздник,
В Ваш милый тёплый дом.
Для нас всегда Вы – лидер,
Нарядны, элегантны,
Строги, но справедливы,
Спасибо Вам на том.
Для нас примером стали.
Характер – крепче стали,
А как стихи читаете –
Душой переживаете!
И Черембасса прошлое
Дотошно изучили Вы.
И жизнь, что Вами прожита,
Красивая, учтивая.
Вы нам всегда наставница,
Совет дать не забудете.
Примите нашу здравицу
И женщиною будьте!
Живите в мире с радостью
В согласии с соседями
И с «Фениксом» в союзе.
Загадочна, изысканна,
Вы – женщина с изюминкой,
И мы Вас нежно любим!

***На 60-летие совместной жизни
Вадима и Валентины Инешиных***

Прожить в согласие и любви
Шесть десятилетий –
Такой красивый юбилей
Должны друзья отметить.
И мы поздравить вас спешим,
Вадим и Валентина!
Ведь в вас не чаем мы души,
А вы вдвоём – едины!
Давно ли свадьбы золотой
Мы юбилей справляли,
И вы с улыбкой молодой
Свой танец исполняли?
Года летят, и меркнет свет,
Болячки донимают.
Но интересней дома нет!
Есть у Инешиных секрет,
Друзей чем привлекают.
И круг такой же за столом,
Поём, стихи читаем,
На клавишах играем,
И новой юморески ждём,
И пару поздравляем.
Вы – две звезды в житейской мгле.
Светите же, светите!
И нас, живущих в суете,
В свой звёздный мир маните!
Ну, как не удивляться нам:
В судьбе послевоенной
Вдруг начинался ваш роман,

Служебный и священный.
И родились вы в один год!
И юбилеи – вместе.
Чреда событий и забот,
Потерь, болезней – не убьёт,
Ведь сплочены вы тесно.
И дом согрет любви теплом,
Такой гостеприимный дом,
И мы к вам с радостью идём
И вам своё тепло несём,
Плоды своих трудов шуточных,
Чтобы увидеть вас – счастливых.
Позвольте вас поздравить вместе,
Ведь вы ровесники опять,
Как жениху и как невесте
Любви и мира пожелать.

Сталине Логиновой

Вы, Сталина, всем нужны,
И слова Ваши – важны.
Вы – как мать культуры здешней,
Жизни луч в прохладе вешней.

Вы, Сталина, сталь и нежность,
В мыслях – ясность, в чувствах –
свежесть.

С Вами рядом быть мы рады,
Ваша дружба нам награда!

Так живите до ста лет!
От поэтов Вам – привет!

Памяти Зинаиды Невзоровой

Для инженеров техотдела
Всегда ты Зиночкой была,
Узнать всё новое хотела,
Решать задачи ты умела,
И самой умною слыла.
Считала ты недопустимым,
Чтоб одеваться в ширпотреб.
И восхищались все мужчины,
И все тебе смотрели вслед.
Воротничок сама связала,
Нашла красивейший узор.
Такую шляпку смастерила,
Что модницы не сводят взор.
Когда пришла на шахту «Три»
Плановиком отдела,
Всех молодых замужних ты
Обворожить сумела.
И долго не могли забыть,
И рассказали мне,
Как ты учила ярко жить,
Себя ценить, беречь, любить,
Всему учиться и учить.
Ты стала центром и душой
Конторы в том году.
Пошла я с верой за тобой,
И тем путём иду.

Надежде

Что тебе пожелать, дорогая?
Полновесны твои закрома.
Почитает тебя, уважает
И родных, и коллег семья!
Может, ласки тебе не хватает?
Очень строг твой служебный чин.
Только в мыслях тебя обнимают
Благороднейшие из мужчин.
Потому-то желаю, Надежда,
Чтоб без ведома, без огласки
На тебя любовь налетела
С потрясением нежности, ласки,
Чтобы счастье полынью горькой
Напоило тебя, гордую,
Закружило метелью мороком,
Унесло на вершины горные.
Коли сбудется – ни с кем не делись.
Пусть не будет постылой твоя жизнь!

Есенину

Был ливень голубой. Плескался, пел,
Как неуёмный молодой гуляка.
И вдруг ушёл, растаял, отшумел,
Вдохнул порыв свой в травы, листья, злаки.
Изгиб реки лилов и серебрист,
И в храме неба птичий хор стозвонный.
И, кажется, берёзы каждый лист
Востеплил свечку умиротворённо.

Благословенно ливень отзвенел...
И был поэт – как летний дождь желанный.
Он пел, как жил, и жил, как песни пел,
Весёлый, неуёмный, светозарный.

И новый лист, и новый знак взошёл,
И новые дожди шумят над ними...
А в памяти всё плещется свежо
Тот молодой, щемящий сердце ливень...

Александрю Яковлеву

В этот светлый июньский день
Не ложится на лица тень,
Не томится от зноя душа,
В этот день наша жизнь хороша!
И мы рады поздравить Вас
С днём рождения! В добрый час!
Вы в зените идей и прогресса,
И широк Ваш круг интересов.
Пусть и ныне, и присно, во веки
В Вас не гаснет рыбацкий азарт,
И таёжные манят тропы,
И с друзьями чай у костра.
И, коль вместе свела нас судьбина,
Мы всегда благодарны Вам:
Наших праздничных дней картину
Украшает Ваш вкусный дар!

Моя сестра – дитя Победы,
а я – всего лишь дочь войны.
И слёзы мамины, и беды
во мне навек погребены.
И вся моя незавершённость,
нескладность, робость в маске дел
растут из тех песчаных пляжей,
где Ленский берег и предел.
Подумать только: в три годочка
мне ножки закрутил рахит.
И это сделалось подстрочником
для нынешних моих обид.
Вся мягкость мамина во мне.
Но жалость – вещь недопустимая.
И в жизни медленном огне
горю кустом неопалимым.

У памятника вечной любви

Жизнь – это путь лишь в один конец,
Обратного нет пути.
Каким взяла человека смерть,
Таким ему вечно и быть.
Володя, твой образ в сердце у нас,
Твоих земляков и друзей.
Зажжённый тобою свет не угас,
Свеча горит всё сильней!
Наш драматург, режиссёр, гражданин,
Актёр и философ любви...

Гуркин – голуби в небе видны,
Любовь и желанье в крови!
И самый прекрасный памятник встал
Среди белоствольных берёз.
Герои присели на пьедестал
(Валун, что ледник к нам принёс).
Василий Кузякин, земляк, сосед,
И Надя – любовь его,
Сам Гуркин одобрил этот проект,
Народ – превыше всего.

И сколько там лет и веков впереди,
Изменится время, и мир... Но –
Владимир незримо с Васей сидит,
Надежда светится от любви,
И голуби плещут крылом.

16.07.2011

Правнуку Вадима Инешина

Спи, мой мальчик, спи, родимый,
Колыбельную тебе пою.
Мой далёкий, светлоокий,
Баюшки, баю.
Пусть тебе приснятся дали
Горы и таёжный край.
Сквозь большие расстоянья,
Правнук мой, меня узнай.

Вырастай, мой мальчик милый,
Мир прекрасный открывай вокруг.

Наберись ума и силы,
С тёплых мамы рук.
Может, станешь деда лучше
И найдёшь мечту свою.
А пока усни, правнучек,
Баю, баюшки, баю.

Ты вчера из дождя появилась.
Ты – из прошлых насыщенных лет.
И с тобою надежда явилась
и живой согревающий свет.

Вся ты именем Надя одета,
через дождик и ветер прошла.
Как бегущая к цели комета,
прямо с вечной орбиты сошла.

На орбите твоей столько разных
астероидов-судеб летит.
Твоя память, как видеокамера,
всё запомнит и всё сохранит.

Пусть кого-то уж тянет к закату –
ты, Надежда, в зените сейчас.
Потому что поставлен на карту
твоих видеокадров запас.

*Здравствуй, Леночка-сестрёнка!
Мой привет к тебе спешит!
С Новым годом твоей жизни
поздравляю от души!*

Всё проходит, время лечит,
отгони унынье прочь...
С Новым годом в старом стиле
родилась у мамы дочь.
Папа ждал, конечно, сына,
не было тогда УЗИ.
Но достались дочке Лене
все мальчишечьи черты.
Может быть, и Козерогу
потрудиться привелось –
на большую ведь дорогу
выйти девочке пришлось.
А теперь – берите выше,
не дотянемся уже!
С днём рождения, Профессор,
тормози на вираже!
Что там ждёт, судьба какая,
быть в упряжке там какой –
посмотри на мир с улыбкой,
отдохни, сестра, душой.
Пожелание одно:
береги своё здоровье!
И студентов поголовье
в январе уж пощади...

Внукам, сыну ты опора,
и поддержка, и заслон
от судьбы, от злых персон.
Низкий от родных поклон.

Опять слова как бисер стану
Нанизывать на тоненькую леску,
Витиевато собирать в браслет,
Чтобы подарок сделать к дню рожденья
Кому-нибудь из близких мне людей.
Конечно, женщине. Знакомые мужчины
Не увлекаются ношением украшений
На кистях рук. Они лишь цепи ценят,
Тяжёлые, из серебра иль злата.
Такие же и перстни есть на пальцах.
Мой круг давно сложился и замкнулся.
Пытаюсь вырваться хоть иногда.
Но лишь в фантазиях мне это удаётся.
Как полюбилось серое мне небо,
Привычка к постоянству мыслей, дел,
Болезней и обедов рядом с дедом –
Отцом, в кругу детей и внуков,
И правнуков его игривых.
Мне дела нет до игрищ молодёжи.
Мне мил обычай на экран взирать
И наблюдать героев сериалов.
Девиц тех благородных,
Как душечкой подругу называют.
Прелестное, на вкус мой, обращенье.

*О.В.Жданец, заслуженному
работнику культуры РФ*

Об этой женщине с горячими глазами
Сказать нам хочется сердечные слова:
Ах, Ольга-свет-Васильевна, за Вами
Всей Шадринки почётная молва.
– Мал золотник, да дорог, –
Про Вас сказал народ.
И к Вам в библиотеку
Он, как к родной, идёт.
Здесь черпает познание
Подросток-ученик,
И Ваше воспитание –
Живой воды родник.

Галине Поповой

По жизни рядом есть всегда Галины,
Они – избранницы судьбы своей.
Галина, Галя – мягко и недлинно
Звучит в конторе ласковое имя,
И кабинет становится светлей.

Нам повезло, общественным командам,
Что рядом с мэром женщина идёт
По имени Галина Александровна,
Специалист, юрист и доброхот.

Какие бы домашние заботы
Не отягчали личную судьбу,

Она идёт с улыбкой на работу,
Вся светлая, как солнечное лето,
И заряжает всех теплом вокруг.

Идеи черпает, где только есть источник,
И зажигает искры вдохновенья.
Галина, Вы наш лидер, это точно!
Да будет Ваша мысль всегда в движенье!

Мы Вам желаем сохранять ваш статус,
Вам эта роль к лицу и так идёт!
А чтобы снять рабочую усталость,
Читайте Пушкина и этот вот экспромт!

Наташе

День рождения Наташи –
Это праздник всех вокруг:
Испарится снег вчерашний,
Зайчик солнечный запляшет,
И капли запоют!

Из небесной синей чаши
Птички пьют тепло и свет.
А для нас милей Наташи
Никого на свете нет!

Пусть твои года молодые
Словно лебеди летят.
В день рожденья ты впервые
Не одна и не дитя.

Но вернись хоть на минутку
В добрый мир былых времен,
Чтобы папа как малютку
Не спускал тебя с колен,

Звал тебя как прежде Натка,
Утешал и развлекал,
Чтобы мама сытно, сладко
Наварила-напекла.

Задержись на этой грани,
Милой девочкой побудь
И девических мечтаний
Идеалы не забудь...

В День 35-летия

От матери – сыну послание это.
Есть добрая весть, есть судьба, есть примета:
От мига зачатия до часа рожденья
Свершается тайное предназначенье.
Чего пожелал тебе ангел-хранитель,
В предчувствии, может быть, не угадала.
Наверное, маленьким был ты как зритель
Семейного лада или разлада.
Так быстро летели года за годами.
Я бабушкой стала, и только стихами
Себя утешаю, детей развлекаю.
Ищу, как жемчужины, свежие строчки.
Тебе только мудрости в жизни желаю.
Пиши продолженье, не ставь ещё точки.

Судьбой ты по-своему располагаешь,
Путями иными вперёд ты шагаешь.
А матери сына любить и жалеть,
Помочь, поддержать, всё преодолеть.

Внучке Софии

С днём рожденья Софьюшку
Поздравляет солнышко.
Поздравляют птички,
Воробьи, синички!
Даже вылез из земли
Одуванчик первый,
Чтобы встретила его
Сонечка, наверное.
Травка тоже поспешила,
Зеленеет вдоль домов.
Будет много для Софии
Сказано красивых слов:
Чтоб росла и не болела,
Не грустила никогда,
Много чтоб друзей имела,
Доброй, нежною была!
Лет тебе одиннадцать
В нынешнем апреле.
Ты четвёртый класс окончишь
Через пять неделек.
Пожелание такое:
Сдать экзамен хорошо
И за летние каникулы
Набраться сил ещё!

Дочка моя, доченька!
Ты уже большая.
Хоть и будет сорок пять,
но всё же молодая.
За собой следишь всегда,
не то, что твоя мама.
Прибавляются года,
но держишь спинку прямо.
Мне тебя издалека
приласкать так хочется.
Жаль, что детство никогда
больше не воротится.
Протяну к тебе ладони
через тысячу км,
Заслоню тебя от бури,
от штормов и кутерьмы.
С днём рожденья, девочка,
Ева – Женевьева!
Пусть исполнятся желанья,
пусть спешат к тебе посланья,
подарки, поздравления
и справа, и слева!
Весь Красноярск у ног твоих,
тебе в подарок этот стих.

Застольная

Сибирь, Байкал и Ангара!
Одна земля и жизнь одна.
И предков древний дух витает
В долинах тех, где обитают
Сегодня наши племена.
И Ангары, и Черемшанки,
Унги – реки богатырей,
Кутулика и Заларинки
Струятся воды всё быстреей.
Здесь поселенцы Беларуси,
Татарские деревни есть.
Поляки, украинцы, русские
И немцы – всех не перечеть!
Где были древние кочевья
Бурят, тунгусов и сойот,
Давно оседлые селенья,
Сибирский здесь живёт народ.
Земля кочевников былых,
Бурятских юрт, лошадок быстрых,
Земля Гэсэра и других
Былинных ханов и министров!
Тебе заздравную поём
Мы песню величальную,
Кумыса чашу дружно пьём
За дружбу изначальную!
За женщин, породивших всех,
Вскормивших молоком кобыльим,
За братство на земле былинной,
За будущее, за успех!

Год родился, как птенец,
Без единого пера.
А пришёл ему конец –
Перьев целая гора!
Пусть он будет, как дракон,
Как собака иль овца,
Только б не вороной чёрной,
Не достроен, без венца.
Только б не было утрат,
И потерь не надо.
Пожелаем всем добра,
Будет всё, как надо!

Моим друзьям – работникам культуры

Мои друзья, работники культуры
и те, кто служит этой Музе!
Пусть и в другой мы трудимся структуре,
но с вами в неразрывном мы союзе.
На сцене в хоре иль в библиотеке,
в кружке литературном, в зале клуба,
рисуем ли, танцуем в дискотеке,
или стихи слагаем «зримо, грубо» –
мы все сподвижники родной культуры.
И нас, как чистый воздух, не заметят.
И лишь пять лет родное государство
Постановило праздником отметить.
Спасибо вам, кто профессионально
культуру в массы двигал много лет.

Всем ветеранам нашим танцевальным,
библиотечным, также театральным,
организаторам и хударкам – большой привет!
Вас с праздником сегодня поздравляем,
быть вечно юными, прекрасными желаем!

Михаилу Налётову

Ах, январь, студёный месяц,
Весь в метелях и морозах!
Снежным мехом ветки метит,
На щеках рисует розы.
Но морозы – не угроза,
Если праздник объявился,
Если в этот день морозный
Дедушка на свет явился.
Деда Миша, поздравляем
И от всей души желаем
Быть весёлым и здоровым,
Добрый, ласковым, толковым,
А супругой дорожить,
С ней в любви-согласье жить.

16-21.01.2012

Румянцевым

С днём рождения, Геннадий и Галина!
Вам сегодня вместе сто с полтиной!
Родились вы, видно, друг для друга,
Съехались по воле злого рока,
В Харике семью свою создали
И прожили вместе вы полвека.

Каждому сегодня – семьдесят пять лет.
Поздравляем вас мы с Днём рожденья
И желаем жить ещё сто лет.
Чтобы было доброе везенье,
Чтобы сыновья и внуки к вам
С нежностью и лаской относились,
Чтобы радость к новым светлым дням
В душах и сердцах у вас селилась!
Мы вас любим, к вам летим душой,
С вами и легко, и хорошо!

17.08.2012

Людимле

Много звёздочек у нас
В городе сияло,
Но таких, как ты, Людмила,
Просто не бывало.
Сватья моя милая,
Семейный доктор наш,
Уютная квартира,
На даче – высший класс!
Любое дело спорится
В твоих руках проворных.
Ты в праздники затейница,
Гостей принять – умелица,
Для мужа – помощь скорая,
В речах ты не притворна.
Сила духа много значит,
Восхищает Люда всех.
Пусть Людмилу ждёт удача
И сопутствует успех!

Ода моему роду

Языческое древнее моё,
Явись, воскресни из небытия!
Мне знание открой и бытиё,
Мне помоги понять,
Откуда родом я?
Кто был предтечей триста лет назад,
Не по отцу – те предки мне известны,
Они на Ленских берегах
Осели с грамотой купецкой.
Один таможенным был головой,
Ясак считал да отправлял в казну.
Он, видно, наделён был сметкой деловой
И с воеводой чарку выпил не одну.
Тот крепкий ствол людей посадских
Врастал в Сибирский Ленский берег.
С ним встретился росток крестьянский,
И я ему бесспорно верю.
Но не могу смириться с тем, что
По женским линиям – облом.
Вот где исследовать потомству,
Но что-то верится с трудом,
Что отыщу, кто дед у мамы.
Она его не назвала.
А бабушка ушла так рано,
В могилу имя унесла.
И лишь в чертах черкесских маминых,
в прямой посадке головы
Её отца наследство видно.
И это всё! Увы, увы...

Но скуластый профиль,
Жёлтые глаза.
Папино обличье –
Предок был Акса.
Жил в тунгусском чуме,
Слушался шамана.
Кочевал с оленями
По лесным урманам.
Так в отце разыграли
Дедовские гены.
Так восточный корень
Род наш переменит.
От купцов московских
Лишь одна фамилия,
Да и ту девицы-дочки
Нет, не сохранили.

Хочется поверить,
Да ведь не проверить –
Был ли мамин папа
Русским офицером?
Может, был кавказским
Удалым джигитом
Или же персидским
Был потомком он?
Всё от нас надёжно
Временем сокрыто.
Всё – как миф таинственный,
Фантазийный сон.

Тайна не разгадана,
Не даёт покоя.

Род мой не дворянский,
Род полукрестьянский.
Что ж это такое?
Утешает лишь одна
Тоненькая ниточка –
У московского купца
Была фамилия отца,
Лермонтов сложил о нём
Песню знаменитую...
И меня дразнили в школе
Потому купчихою.
Род мой для детей и внуков
Мы нарисовали,
И для будущих исканий
Мы основу дали.
Кто-нибудь когда-нибудь
Что-нибудь добавит.
Может, внуки-правнуки
Род мой и прославят...

8.03.2012

Судьба как музыка эпохи

Автор этой книги, Татьяна Викторовна Ковальская, родилась в Иркутске, в семье выпускников иркутских вузов – горного инженера Виктора Калашникова и преподавателя немецкого языка Надежды Баховой-Калашниковой.

Род Калашниковых ведёт по документам отсчёт с 1703 года, от пращура Андрея. Его внуки записаны в Киренске среди посадских людей в 1760 году. И с того времени род Калашниковых продолжался в городе Киренске.

Отец Татьяны пошёл добровольцем по комсомольскому призыву на фронт. Когда дочь родилась в январе 1943 года, он с курсантами-миномётчиками на новых миномётных установках, известных под именем «Катюша», направлялся на передовую линию сражений с фашистами. Мама Надежда работала преподавателем в Иркутском университете, но в голодном городе с маленьким ребёнком, одной после смерти её матери было жить невозможно, и Надежда Борисовна уехала к родителям Виктора Калашникова в город Киренск. Там все Калашниковы жили в пригороде, в Алексеевском затоне. Свёкор и Надежда работали в школе, с ними жила и дочь Евгения, сестра Виктора, подруга Надежды. Она тоже работала в школе. Свекровь домовничала и водилась с малышкой. Жили на реке Лене до победы и возвращения Виктора в Иркутск.

Осенью 1945 года Виктор Михайлович прибыл на комбинат «Востсибуголь» (был демобилизован из армии на восстановление угольной промышленности). Квартиры не получил, жил у родственников отца. Туда и привёл прилетевшую с дочкой из Киренска жену

Надежду. Конечно, хотелось ему иметь свой дом, чтобы с ним жили родители, тяжело переживавшие гибель на войне младшего сына Александра, не успевшего до мобилизации жениться. Поэтому Виктор Калашников охотно принял направление от комбината на укрепление инженерных кадров в трест «Черемховуголь». В Черемхово ему сразу дали квартиру с мебельным гарнитуром в бревенчатом шестиквартирном доме (мебель полагалась руководящему составу угольных предприятий). Печное отопление и железная «голландка», обогревающая расположенные вокруг комнаты, дойная корова Роза в стойке, собачонка Снежок при Розе, новорождённый телёнок в коридоре квартиры, который смешно сосал ручонку девочке вместе с молоком – вот первые впечатления черемховской жизни Татьяны. Виктор Калашников перевёз из Иркутска жену и дочек (в Иркутске родилась Ольга), а из Киренска вызвал родителей, и зажили они большой семьёй. Надежда Борисовна и Михаил Николаевич пошли работать в среднюю школу № 20, дома хозяйничала Анна Ивановна. Пришлось пятидесятилетней бабушке, учителю и библиотекарю, заработавшей северную пенсию, разворачиваться изо всех слабых (врождённый порок сердца) силёнок, и квартиру прибирать, и обед на семью готовить, и скот кормить, и корову доить. Да ещё внушек воспитывать – мать в три смены в школе трудилась, по ученикам бегала вечерами, приходила без сил. А отца работа на разрезе, потом на шахте, держала почти круглосуточно. Появилась третья дочка Елена, порой дым коромыслом, ссоры и потасовки между внучками. Бабушка ставила перед зеркалом на комод веник и грозила девочек «отходить по задницам», если не угомонятся. А вечерами перед сном рассказывала сказки, и совсем не из книжек, которые Таня читала с

пяти лет. Бабушка сочиняла свои сказки и пересказывала те истории, которые читала и слышала в своём детстве. Так в душе девочки зародилась любовь к образному слову, фольклору и сочинительству, к книге.

Татьяна училась сначала в школе № 20 (первая учительница Раиса Кузьминична уехала позднее на запад), после переезда в город в связи с назначением отца начальником шахты № 6 перешла в школу № 25. Последовал перевод Калашникова на разрез Ново-Гришевский и переезд в новый благоустроенный дом в посёлке Храмцовка (первая в их жизни квартира с паровым отоплением, водопроводом и ванной комнатой, где топили титан и купались в тёплой воде). Девочка поначалу вернулась в школу № 20, а в восьмой класс Татьяна пошла в школу № 29, рядом с домом, и окончила десять классов с серебряной медалью в 1959 году. В школе она, как тогда было принято, вступила сначала в пионеры, затем в комсомольскую организацию. Её выбирали звеньевой, членом совета отряда, членом комсомольского бюро. Она ездила летом в пионерский лагерь в Тюмень. После девятого класса за отличные успехи в учёбе Таню Калашникову наградили туристической поездкой. В 50-х и позже в 60-х годах действовала такая система: городской комитет комсомола формировал группу старшеклассников, отличников и тех, кто побеждал в олимпиадах, на спортивных соревнованиях, на юннатской станции, и под началом Зои Михайловны Беяловой отправлял группу в турпоездку в Ленинград. Это было очень интересно. Путёвка, кажется, была бесплатная, деньги родители давали на карманные расходы.

Татьяна с третьего класса пыталась сочинять стихи и вела дневник. Участвовала в школьной стенгазете. Поскольку она со второго класса училась в музыкальной

школе, то всегда участвовала в городских олимпиадах, играла что-нибудь на пианино, пела с подругами на три голоса народные и современные песни. После седьмого класса впервые в жизни увидела Байкал: родители с сестрой отца, тётёй Евгенией, и кузиной Наташей, приехавшими из города Горького, что на Волге-реке, отправились в посёлок Лиственничное и Таню взяли. Это была фантастическая поездка! Чем отдалённее тот 1957 год, тем чудеснее воспоминания. Ведь тот посёлок, с остатками верфи и брёвнами причала, с пустынным берегом, те походы по распадкам и сопкам, та жизнь в домике у местных рыбаков, те обалденные вечера с огромным и непередаваемо меняющим цвета небом, – никакого сравнения иметь не могут с нынешней шумной, пыльной, загороженной новостройками из камня и бетона Листвянкой. Какое счастье, что Таня там была, грызла испеченные в костре кедровые шишки, слушала на берегу Байкала рассказ тётёи Жени об алых парусах, придуманных писателем Александром Гринем.

Конечно, школьница Таня мечтала учиться на поэта, на писателя. Но она была почему-то неуверенной в своих силах девочкой. Её стихи были, конечно, слабыми и подражательными. Вот лучшее, на Байкале написанное:

*Бушевал Байкал могучий.
Вал за валом, в пене белой
Он бросал на берег волны,
В дикой злобе озверелый.*

Всякий грамотный человек скажет, что это подражание известному школьникам стихотворению Максима Горького: «Над седым от пены морем, чёрной молнией сверкая, гордо реет буревестник...».

Когда Татьяна заканчивала десятый класс в черемховской школе № 29 имени Олега Кошевого, ей было всего 16 лет, потому что в первый класс родители отдали её в шесть с половиной лет. Куда поступать? Серебряная медаль не освобождала от вступительных экзаменов. Учителем, как мама, бабушка и дедушка, она работать не хотела. Отец и его взрослые товарищи убеждали, что самая нужная и для женщины подходящая профессия – экономист. В классе сложилась компания друзей. И вот поехали сдавать документы Таня, её подруга Ира Чернышёва и Саша Часовских. У мальчика Саши старшая сестра заканчивала Иркутский финансово-экономический институт, Таня с подругой решили поступать туда же, на недавно открытый инженерно-экономический факультет. Так и стали учиться в одной группе три одноклассника. Саша был очень славный юноша, может быть, ему и нравилась одна из подружек. Но ни с одной из них он не объяснился, и после защиты диплома уехал по распределению на берег Тихого океана, в Усть-Омчуг. Там и живёт. Ира взяла направление в геологическую Батуобинскую экспедицию по алмазам, в Якутию. Там через пять лет вышла замуж за главного инженера, украинца Борю, сменила фамилию на Парасотка. На пенсию они выехали на его родину Украину, там Ира рядом с замужними дочками, разводит сады и цветы в Днепродзержинске. Счастлива.

Татьяна Калашникова тоже вышла замуж за украинца, инженера, горного механика Сергея Ковальского. Встретила его на Урале в Челябинской области, в Бакальском рудоуправлении, куда приехала работать по направлению после окончания ИФЭИ. Диплом выдавали в те годы после отработки по направлению 2-ух лет. Пока отрабатывала, институт переименовали из ИФЭИ в Иркутский институт народного хозяйства.

Так что в дипломе запись ИИНХ. А уж потом, в 90-х, пошло-поехало: академия, университет. Теперь самый престижный Байкальский университет экономики и права, многоэтажный учебный корпус, мраморные полы, евроокна и двери, общежития богатые, самая дорогостоящая учёба. Связи с зарубежьем, с Китаем, Монголией. Наш черемховский доктор наук В. Былков там работает, учительский сын, выпускник черемховской школы, житель посёлка Храмцовка. Почётно занимать такие высоты родной «альма матер»!

Татьяна Викторовна мечтала, как все дочери Виктора Михайловича, получить самое высшее образование, то есть закончить аспирантуру, как папина сестра Евгения, кандидат филологических наук, ведущий преподаватель Горьковского университета по языкознанию. Мечта Татьяниной юности! Но из трёх сестёр только младшая Елена набралась храбрости и упорства, училась в двух аспирантурах. Защитила в Москве сначала кандидатскую, затем и докторскую диссертации по одной и той же теме физико-биологического плана, стала доктором наук и профессором. Ольга защитила кандидатскую, умерла кандидатом педагогических наук. Татьяна осилила только кандидатский минимум, сделала выбор в пользу второго ребёнка. В общем, не пожалела, слишком шаткая была социалистическая экономика, слишком подвержена политическим колебаниям в идеологии. Ряд личных катастроф привел Татьяну к инвалидности. Сменила должность инженера-экономиста (успешно трудилась на разрезе «Сафроновском», затем в ПТУ треста «Черемховуголь», на шахте № 3 и шахте им.Кирова) сначала на преподавательскую в горном техникуме, а потом вообще ушла в газету, стала журналистом и поэтом местного масштаба. По просьбе народного местного

поэта Николая Широкова сменила его на посту руководителя литературного объединения «Саянские Зори» при редакции газеты «Черемховский рабочий». По рекомендации горкома КПСС была назначена зав.пром. отделом газеты «Черемховский рабочий». Вступила в члены Союза журналистов России, сотрудничала как внештатный корреспондент с редакцией областной газеты «Восточно-Сибирская правда». Когда в стране случился денежный коллапс, счёт зарплаты пошёл на миллионы, главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда» Г.М. Бутаков принял Татьяну в штат как собственного корреспондента по городу Черемхово и Черемховскому району. Это были самые счастливые годы, работа в газете из «хобби» превратилась в профессию, за которую и деньги платили! Татьяна с увлечением ездила в командировки, осваивала газетное мастерство по ходу дела, ведь на факультете журналистики не довелось учиться. Многие, если не все, газетные журналисты издавали очерки, публицистические и художественные книги. Как сказал Татьяне заведующий промышленным отделом «Восточки» Николай Волков, «У нас в редакции работают только писатели и поэты». Только поэты уходили в «Советскую молодёжь» или вообще на такую работу, как сторож, техничка, дежурная в Доме литераторов, чтобы написать и потом издать свою книгу.

Путь писательства Татьяна начала с увлечения историей города Черемхова и села Бельска. Уже став инвалидом, она ездила в Иркутск и просиживала целыми днями в архиве ГАИО, делала выписки, углублялась в события начала XX века и в XIX заглядывала. История открывалась изнутри и с неожиданной жизненной силой. Первый буклет Т. Ковальской и фотографа В. Белоколодова вышел к 70-летию города Черемхово по

заказу Черемховского горсовета народных депутатов в 1987 году тиражом 5 тысяч экземпляров (по нынешним временам сказочный тираж!). Автор получил свои десять экземпляров, из которых у неё осталось два. В 1993 году таким же тиражом вышел буклет Татьяны Ковальской «Был станец средь черёмух, стал город на угле...» уже по заказу Черемховской городской администрации, к 250-летию поселения первого русского на Черемховский станец в ямщики. И позже много статей, очерков Татьяны Ковальской по краеведению было опубликовано в научно-популярном иллюстрированном журнале «Земля Иркутская». Татьяна по праву гордится этим сотрудничеством с редакцией столь серьёзного издания. В разных номерах журнала с 2002 по 2008 годы опубликованы статьи Татьяны Ковальской по истории Черемхова, Бельска и Киренска, куда она ездила в командировки.

Самым большим и важным для Татьяны открытием стал поиск имени фотографа, сделавшего художественный чёрно-белый снимок Бельской базарной площади на фоне Сретенского храма и Острожной башни XVIII века. Фотография была у многих, но забылось имя. Может быть, умалчивали старики, потому что учитель Гавриил Илларионович Рубановский был в 1938 году репрессирован и не вернулся с Беломоро-Балтийского канала. Кружными путями, от одного к другому свидетелю, по Бельским домам, потом по Иркутским, однажды вошла Татьяна в дом на улице Степана Разина, где жил внук учителя Рубановского. И ей показали альбомы учителя, в одном из которых, подаренном жене Агнии Степановне, увидела она знакомую фотокартину, рыночную площадь с нарядными жителями, с церковью на холме. Конечно, ей не отдали альбомы, но разрешили переснять удивительные виды села Бельска и его

окрестностей. Фотограф Валерий Карнаухов (ныне покойный) бережно сделал копии фотографий 1906 года. Они стали иллюстрациями первой краеведческой книги Татьяны Ковальской «Бельск – село заповедное», вошедшей во все каталоги по истории Восточной Сибири. Эта книга по истории села Бельска вышла в Восточно-Сибирском книжном издательстве в Иркутске в 1991 году тиражом 3000 экземпляров, по цене 65 копеек. В те времена издательство включало рукопись в план, с автором тщательно работал редактор. Татьяна рассказывала: «Никогда не забуду Галину Борисовну Алексееву, дочку (или внучку?) автора знаменитой у историков Восточной Сибири книги «Илимская пашня», профессора Шерстобоева. Как строго, внимательно, скрупулёзно и корректно обсуждала она со мной, молодым автором, каждую сомнительную по её мнению строку, фразу, даже отдельное слово. Для меня такая работа была школой профессионального и человеческого общения».

Дальнейшее движение жизни Татьяны Ковальской шло по двум равно значимым для неё руслам: семья, старшая дочь Евгения и младший сын Александр. Имена давали вместе с мужем, но Татьяна связывала их с любимой и уважаемой тётёй-филологом. Тётя Евгения Бруева – писатель рода Калашниковых, жизни родителей, студенческого периода, соседей по Киренску и т.д., книги самиздата. Александр родился в день памяти брата отца, день рождения Александра Калашникова, без вести пропавшего в первые месяцы войны на просторах Западной Украины или Польши, где он находился на службе в Красной Армии.

После окончания средней школы дочь Ковальских Евгения поступила в Иркутский госуниверситет на математический факультет, на прикладную матема-

тику. Сын Саша по её примеру тоже поступил в госуниверситет на физический факультет. Дочь успела получить направление, выбрала точку в город Красноярск. Мама Таня вместе с ней поехала устраивать Женю на работу, в общежитие, поначалу остановились у маминой знакомой. Дочь уже была замужем за Николаем Устимовым, родился и сын Ваня. На машиностроительном заводе в удивительно красивом белокаменном посёлке машиностроителей Солнечном. Жене дали две маленьких комнатки в большой квартире, где уже поселили двух семейных выпускниц из Иркутска. Так молодой хозяйке досталась жизнь в коммунальной квартире с общей кухней и общим санузелом. Потом началась перестройка, приватизация, акционирование и прочие социальные передряги. Соседи по квартире выехали, Женя с мужем, при помощи родителей, выкупали комнаты. В конце концов, Женя осталась одна хозяйка, потом обменяла эту огромную квартиру на меньшую. Теперь живёт в новом доме на девятом этаже, с лифтом и всеми удобствами.

Сын Александр Ковальский женился после защиты диплома, когда уже работал преподавателем горного техникума. В настоящее время работает машинистом шагающего экскаватора, так как по совету отца он окончил горный техникум по специальности горного электромеханика. Растит с женой Натальей дочку Софию, родившуюся в год миллениума и дракона, 2000-й год. Татьяна внучку любит и опекает в духовном творческом развитии, помогает учиться в музыкальной школе на отделении фортепиано.

Второе русло не столь видимо, но для самой Татьяны, безусловно, очень важное. Это труд в газете, это создание краеведческих исследовательских материалов, создание рукописей, участие в журналах, сборниках,

книгах. Авторские книги Татьяны Ковальской занимают на полке немного места, это поэтические сборники «Времена жизни» (Иркутск, 1997), «Водолеевы сны» (Иркутск, 2004), «И так идёт за веком век» (Иркутск, 1999), «Берег памяти моей» (Иркутск, 2008), самая первая «Бельск – село заповедное» (Иркутск, 1991), «Орбиты угольной вселенной» (Иркутск, 2010). Вышло десять буклетов. Статьи и очерки в книгах-сборниках: «Боль земли» (Иркутск, 1998), «Мозаика Иркутской губернии» (Иркутск, 2007), «К своим истокам» (Иркутск, 2009), «Репрессии. Как это было» (Усолье-Сибирское, 2010). Стихи Татьяны Ковальской вошли в сборники: «Мы родом из Черемхово», (2007), «Славлю Россию, Иркутск и Байкал» (2011), «Иркутск. Бег времени» (2011), «Судьбы узоры» (А.Ершов, 2011). Статьи в журналах «Земля Иркутская», «Тальцы», «Сибирь», «Иркутский писатель» и «Иркутском альманахе».

И не менее серьёзно Татьяна относится к общественным поручениям и функциям. Более десяти лет назад, в 1998 году, она с тремя товарищами создала общественную организацию инвалидов «Феникс». В организацию входит более сорока человек, люди с ограниченными физическими возможностями ходят в бассейн, участвуют в соревнованиях, выезжают летом на природу, на экскурсии в соседние города, на Байкал, в Иркутск.

Все эти годы Татьяна Ковальская входит в актив общественности города Черемхово, последние два года – в Совет общественности при мэре города. Тесное сотрудничество установилось между Общественной организацией инвалидов «Феникс» и Советом ветеранов города Черемхово. В Совете ветеранов происходит творческое единение в культурно-просветительской и досуговой сфере ветеранских организаций ме-

дицинских работников, учителей, работников культуры, правоохранительных органов, горняков. Доброжелательное общение – лучший витамин здоровья для пожилых жителей, и Татьяна старается восполнить дефицит эликсиром общих дел, оптимизмом и юмором.

В творческой судьбе Татьяны Ковальской большую роль сыграл Черембасс, он стал её судьбой. Она написала буклеты о многих коллективах; о судьбе комбината «Востсибуголь», ровесника великой Победы над Гитлером; о городе Черемхово и его жителях. Книги эти пополнили библиотеки города и школ как источники знаний по краеведению города. Конечно, им предстоит пройти проверку временем, ведь время – самый строгий и взыскательный судья. Никому не дано предугадать, как его слово отзовётся. Но есть надежда, уверенность в том, что и проза, и стихи, и краеведческие книги Татьяны Ковальской будут жить долго и находить сочувственный отклик в душах читателей.

Александр Серёдкин,
журналист и автор книг
о Черемхово и черемховцах.

Содержание

Сюита I. Городу, меня вскормившему

Песня о Черемхово.	3
Черемхово.	4
У братской могилы.	5
«Моим пером ведёт не корысть...».	6
Вдовам и солдаткам.	7
«Когда исчезну...».	7
Из цикла «Поклон народной песне».	8
«По Сибири я гуляю...».	8
«Эх, трава-мурава...».	8
«Ах, песня русская, родная!..».	9
«То не во поле берёзонька стояла...».	9
«Песня народная...».	9
«Пока в крови огонь горит...».	10
Из цикла «Стихи 1982 – 2010 гг.».	10
«Вокруг солнца оборот...».	10
«Не окрылённые божественною силой...».	11
«Ангарск. Вокзал. Часы без стрелок...».	12
Сторона моя.	13
Из цикла «Стихи 2011 – 2012 гг.».	14
«Этот город зовут Черемхово...».	14
«С сибирских клёнов, тополей, берёз...».	15
Вадим Семёнов.	16
Шадринка.	17

Сюита II. Городу, родившему меня

Иркутску.	19
Ангаре.	20
Помнишь ли ты?.	20
«Круглые шапки длинного дома...».	21
Весеннее.	22
Встреча.	23
«Шесть утра. Беззвёздно небо...».	24

Сюита III. Льдинки. Капельки. Смешинки

«Пташек озябшим клювом...»	25
«Снега разноцветны...»	25
«Вот снежинка прилетела...»	25
«О сиреневых тенях на снеге вечернем...»	25
«Упакую и сдам до востребования...»	26
«Лучше смеяться и прятать...»	26
«Перед закатом...»	26
«Наша Татка пишет <i>танку</i> ...»	26
«Тайна кристалла снежинки...»	27
«Цветные снега!..»	27
«А берег грезит о возмездье...»	27
«Даруй, Господь, мне разума и силы...»	27
«Бельчонок в голубой рубашке...»	28
«Всё движется в наше нелёгкое время...»	28
Осенние хоку	28
Стихошаржи	32

Сюита IV. Закладки в книге судьбы

Двадцатый век. 1994.	37
«Шарики полыни...»	38
Мы – куклы...	38
«Старо как мир – и вечное начало...»	39
Рисую лето.	40
«Туманы, туманы, верните мне маму...»	40
«Анга, за Качугом село...»	41
«Отключили фонтан, отключили...»	42
«Июль – поэзии пора, две тыщи первый год...»	42
Сказ об Удалянчи.	43
«Постаревшие дети второй мировой...»	45
«Спокойно, мадам, <i>силь ву плэ</i> ...»	46
«Тебе ли доверять не смею...»	47
Вариации.	47
Преодоление.	48
Тополь.	49

Из цикла «По мотивам немецкой поэзии» . . .	49
«Тишина...»	49
Фантазия	50
Бесцветно	50
Почему?	50
WEGZEICHEN – знаки пути	51
Арлекин	52
Моё сегодня	52
Лунный свет	53
20 мая 2012 года	53
Встреча. Вампилов и Байкал	54
Песня о реке Белой	55
«И каждый год мы в час назначенный...»	56
Частушки	57
Отзвуки любви	58
<i>Сюита V. Друзьям и близким, людям и делам</i>	
На 60-летие моему папе В.М. Калашникову . . .	71
Неге Филипповне Бардиной	71
Воспоминание	72
17 сентября 2011 года	74
Петрович, голуметский мастер	75
Николаю Зубареву	75
«Пускай останутся в минувшем...»	77
Предвкушение весны	77
«О дорогая моя дочка...»	78
«Мы все – Водолеевы дети...»	78
Галине	79
С Днём рождения, Ниночка!	80
45-летие разреза «Сафроновский»	81
С Юбилеем!	82
Памяти Галины Харритоновой	83
Разговор с Толстым	84
13 февраля 2009 года	85
«Апрель рифмую с колыбелью...»	85
Вадиму Инешину	87
Юре Погодаеву	87

Дорогая Альбина.	89
Милой соседке.	90
Актрисе.	90
Тамаре Белобородовой.	91
Анне в День юбилея.	93
На 60-летие совместной жизни Вадима и Валентины Инешиных.	94
«Вы, Сталина, всем нужны...».	95
Памяти Зинаиды Невзоровой.	96
Надежде.	97
Есенину.	97
Александрю Яковлеву.	98
«Моя сестра – дитя Победы...».	99
У памятника вечной любви.	99
Правнуку Вадима Инешина.	100
«Ты вчера из дождя появилась...».	101
«Всё проходит, время лечит...».	102
«Опять слова как бисер стану...».	103
«Об этой женщине с горячими глазами...».	104
Галина Поповой.	104
Наташе.	105
В День 35-летия.	106
Внучке Софии.	107
«Дочка моя, доченька...».	108
Застольная.	109
«Год родился, как птенец...».	110
Моим друзьям – работникам культуры.	110
Михаилу Налётову.	111
Румянцевым.	111
Людмиле.	112
Ода моему роду.	113
Александр Серёдкин. Судьба как музыка эпохи. Послесловие.	114

Ковальская Татьяна Викторовна

Музыка лет

Стихотворения

Редактор *Л.Г. Белякова*

Подписано в печать 15.09.2013 г. Формат 60x108/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 4,15.

Тираж 500 экз. Заказ № 205.

Издательство «Просторы»

БФ «Фонд поддержки социальных и благотворительных программ»

665831, Ангарск, тел. 89025123277

Отпечатано в ООО «Типография «Оттиск»,

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28, т. 34-32-34